

Олег Лукошин

ВАРВАРСКИЕ СТРОКИ

Олег Лукошин

Варварские Строки

«Издательские решения»

Лукошин О.

Варварские Строки / О. Лукошин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-742652-1

Преуспевающий писатель обнаруживает, что герой его нового романа, сумасшедший маргинал и подонок, вдруг начинает жить собственной жизнью. Более того, странным образом он влияет на жизнь своего автора... Захватывающий сюжет с неожиданными поворотами, безудержный секс и долгий зов в запредельность — таковы ингредиенты «Варварских Строк».

ISBN 978-5-44-742652-1

© Лукошин О.
© Издательские решения

Содержание

Первая глава	6
Глава первая	10
Вторая глава	15
Глава вторая	21
Третья глава	27
Глава третья	33
Четвёртая глава	41
Глава четвёртая	50
Пятая глава	58
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Варварские Строки

Олег Лукошин

Фотограф Manfred Richter

© Олег Лукошин, 2018

© Manfred Richter, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4474-2652-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Первая глава

– Это роман.

Сомнения отброшены, движение состоялось – это роман. Слышать собственные слова и понимать глубины, скрывающиеся за ними, чувствовать цвет и запах, видеть разряды молний, улавливать отголоски... Да, чёрт возьми, да – это роман!

– Как вы его назовёте?

Сосед, приятный человек лет сорока в костюме и очках, внимательно и учтиво заглядывал в глаза.

– Пока не решил, – ответил Александр Львович. – Названия не всегда приходят сразу. Они пробиваются постепенно, словно ростки сквозь слой грунта. Ты пишешь какой-то эпизод, может быть он – один из последних, слово скользит за словом – и вдруг, совершенно неожиданно рождается образ. Словосочетание, которое вмещает в себя всю твою задумку. Ты понимаешь, что оно может стать тем стержнем, тем звуковым воплощением, которое придаст смысл всему тексту. Так приходит название.

Пространство за иллюминатором очищалось от туч. Сквозь них уже проглядывали зелёные пятна земли. Самолёт шёл на посадку.

– Странно, – мотнул головой сосед. – Большая часть романа написана, сюжет и всё, что вокруг него строится, созданы – и вдруг совершенно новый образ. Он может разрушить все предыдущие.

– Дело в том, – объяснил Александр Львович, – что название, как правило, а в моих произведениях так просто всегда, является не пересказом сюжета, не констатацией замысла, а неким глубинным, я бы даже сказал астральным... заклинанием. Да, – щёлкнул он пальцами, – именно заклинанием! Оно не буквальное отражение текста, оно вонзается в него неожиданным и молниеносным росчерком. Порой он кажется чужим в этом образном и семантическом поле, порой абсурдным, но всегда ёмким, всегда цепким. Ёмким настолько, чтобы любой читающий смог увидеть за этим названием всё, что он захочет. В рамках предложенной темы, конечно. Цепким настолько, чтобы будучи услышанным раз, уже не покинуть сознание.

Земля стремительно приближалась. Стюардесса попросила пассажиров пристегнуть ремни.

– Объясню на примере, – продолжал, скрипнув пряжкой ремня, вдохновлённый вниманием собеседника Александр Львович. – Предыдущий мой роман назывался «Время мохнатых спин»...

– Очень сильное произведение, – сказал сосед. – На меня оно произвело огромное впечатление.

– Спасибо. Так вот, «Время мохнатых спин» – на первый взгляд название пошлое и вульгарное.

– Ну почему же...

– Не возражайте, не возражайте! Именно так – пошлое и вульгарное. Мне об этом и издатель мой говорил, и многие читатели. И я не против этой оценки. Название циничное, мерзкое, гадкое – но зато какое яркое! Какое сочное, какое запоминающееся! Что представляет читатель, видя на обложке книги это название? Человеческую спину, покрытую волосами. Причём волос настолько много, что они образуют шерсть. Спина движется, извивается, а чья-то рука гладит её, щекочет, чешет... Волосы обвивают пальцы, хрустят под ногтями – от всего этого просто передёргивает.

– Честно говоря, не представлял себе это именно так, но вы очень живописно рисуете. Действительно, делается неприятно.

– Так и должно делаться. А между тем, о чём повествует роман? Разве об этом?
Сосед понимающе закивал – нет, совсем не о том.

– Совсем не о том! – озвучил его мысли Александр Львович. – Что же тогда выражает название?

Сосед молчал, позволяя писателю самому закончить свою мысль.

– Оно выражает лишь настроение. Состояние духа. Сдвинутое ощущение реальности. Время голых, чистых спин, время Адама и Евы прошло! Они сгнули под натиском спин мохнатых! Злобные, яростные существа, полузвери-полулюди – вот кто явился к нам. Они рычат, скалят клыки, бьют себя в грудь кулаками и рыскают налитыми кровью глазами – кто ещё не оброс волосами, кому бы ещё свернуть шею?!

Самолёт коснулся земли. Кресла завибрировали, иллюминаторы задрожали, белые линии разметки неслись перед взором с лихорадочной скоростью. Вскоре бег их замедлился. Воздушное судно выруливало к зданию аэропорта.

– Жаль, что не хватило времени, – покачал головой Александр Львович. – Рассказал бы вам о сюжете романа. Несколько глав уже написаны, меня так и распирает поделиться с кем-нибудь.

– Вы рассказываете о ещё ненаписанном романе? А вдруг сглазят?

– Чушь! Писателю нужна обратная связь, причём непосредственно в момент работы. Только она позволяет принимать правильные решения.

– Это всё у вас? – кивнул таксист на дипломат.

– Да.

Автомобиль тронулся с места. Александр Львович опустил окно и закурил.

– Далеко летали? – спросил таксист.

– В Германию. Франкфурт-на-Майне.

– У-у, – покивал он. – По делам?

– Да, на ярмарку.

– Это которая книжная?

– Слышали про неё?

– А как же. Я служил в Германии. Под Дрезденом.

Дорога вела к одному из элитных подмосковных посёлков.

– Закупали что-нибудь? – продолжил разговор таксист.

– Нет, себя показывал. Лекцию прочёл, с читателями встречался.

– Так вы писатель?!

Александр Львович кивнул.

– А как фамилия ваша?

– Низовцев.

Таксист задумался.

– Что-то слышал вроде... Смутно правда.

Посёлок приближался. Вдоль дороги мелькали ровные ряды деревьев. Несколько лет назад, когда они с женой только начинали строительство дома, их ещё не было здесь, а во все края расходились зарастающие полынью поля. Многие, в том числе и он сам, поначалу не хотели скидываться на такую, как он полагал, блажь, но сейчас, проезжая мимо разросшихся и окрепших деревьев, Низовцев отмечал, что лесная посадка вокруг посёлка действительно обогородила местность.

– Не подарите что-нибудь из своих книг? – попросил таксист, когда они подъехали к дому.

Александр Львович достал из дипломата дежурную книгу – тот самый сборник рассказов, который продавался очень плохо (что его чрезвычайно удивляло – он считал эту книгу несомненной своей удачей, а некоторые рассказы и вовсе шедеврами) и которого на чердаке

было навалено ещё штук двести. Единственное объяснение такой неудачи он находил в том, что его издателем в то время был ещё не Борис Чивин.

Расписавшись на книге и расплатившись с шофёром (который цену не сбросил, хотя показалось, что с подарком вроде как обязан) Александр Львович приблизился к воротам собственного дома и надавил на кнопку звонка. За забором послышалось движение. Раздались звуки торопливых шагов, донёсся и голос.

– Иду, иду! – кричала жена.

– Кто там? – спросила она, прежде чем открыть.

– Свои, – отозвался Александр Львович.

Заскрежетал засов, заскрипели петли, неторопливо отворилась калитка. В проёме её улыбалась и раскрывала руки для объятий любимая жена – Елена Васильевна. Лена. Любимая – совершенно без иронии и лукавства. Александр Львович был женат на ней двенадцать лет и ни минуты за все эти годы о своём выборе не жалел. Она была красивой, искренней и умной женщиной, приходилась дочерью знаменитому учёному Василию Андреевичу Потоцкому, заведовала кафедрой химии в Институте стали и сплавов, имела научное звание доцент и собиралась в самой ближайшей перспективе получить профессора.

У них обоих это был второй брак. Предыдущие оказались неудачными. Александр Львович ещё во времена нищего студенчества был женат на девушке по имени Аня – отношения с ней, ввиду полнейшего несоответствия характеров, а больше по причине бытовой неустойчивости, не заладились с первого дня супружества. Сильно подкосило их и рождение мёртвого ребёнка. Они прожили вместе четыре года, но вынуждены были расстаться.

Лена же находилась замужем побольше – лет семь. Звали её первого мужа Максим и рассказывать что-либо о нём она категорически отказывалась. Как-то раз на одном приёме, куда Александр Львович пришёл вместе с Еленой, к ним подошёл какой-то лысеющий и страшно худой очкарик. Он поздоровался с ними, а Лена, смутившись вдруг и ответив скороговоркой на приветствие, быстро-быстро отвела Александра в противоположный угол. Александр Львович не поинтересовался, что это был за тип, но ему потом сообщили – это он и есть, первый муж Елены.

– Ну, здравствуй, развратница, – улыбался Александр Львович.

– Привет! Жив, здоров?

– Да вроде, – осматривался он.

Машина стояла у ворот гаража. Жена была в халате и влажной.

– Не успела поставить, – поймав его взгляд, сказала она. – Только что приехала. Вспотела, сразу в душ побежала.

Они зашагали к дому.

– Ну рассказывай, – взяла его за руку Елена Васильевна.

– Да нечего рассказывать. Всё как обычно. Стоял у павильона, автографы давал. Гельмут мне встречу с читателями организовал. От него тебе, кстати, большой привет.

– Много людей пришло?

– К моему удивлению, полный зал. Правда, вялые какие-то. Вопросов совсем не задавали.

Пришлось монологом давить. У тебя-то как?

– Экзамены идут. Нервотрёпка. Потом аспирант один защищался.

– Защитился?

– Да. Умный парень, хорошая диссертация. Далеко пойдёт.

После душа Александр Львович присоединился к жене в столовой. Она накрывала на стол.

– Ничего не готовила, извини, – говорила Лена. – Беру то, что в холодильнике.

– Нормально, – кивнул Александр Львович.

- Борис звонил, – сообщила жена. – Сказал, на ночь приедет.
- Как он?
- Как обычно. Шутит, смеётся.

Елена Васильевна, будучи истинной вегетарианкой, съела лишь салат и булочку. Запивала яблочным соком. В последнее время она особенно тщательно относилась к еде, потому что доктор несколько месяцев назад сообщил ей, что у неё имеется подозрение на гастрит. Эта новость очень её всполошила – Елена была на удивление здоровой женщиной и за всю свою жизнь кроме невинных детских болезней ничем не болела. Она и сейчас, на сорок третьем году жизни, выглядела не больше, чем на тридцать с хвостиком. Гастрит был особенно несуразным заболеванием, потому что питалась она всю жизнь очень хорошо.

Александр Львович вегетарианцем не был, а потому с удовольствием разрывал зубами подогретый женой бифштекс.

- Я новый роман начал, – объявил он торжественно.
- Да?! Здорово!

– Несколько глав уже написал. Идёт неплохо. Ну и сюжет, как мне кажется, весьма нетривиальный. Тема, настроение: чувствую, моё.

- Когда успел начать?

– Во Франкфурте, в отеле. Я вообще-то не люблю в незнакомых местах писать, ты знаешь, но на этот раз прорвало. Вертелось, вертелось, прям жар какой-то по телу пошёл – не выдержал, сел за стол. Этот прилив эмоций меня порадовал – давно с таким желанием за работу не садился. Последние годы, честно говоря, побаиваться уже начал. И писания этого, и себя за ним, потому что практически ничего не чувствовал. И «Немезиду», и «Время» как-то механически написал. Хотя они и получились вроде, но для меня всегда был более важен сам процесс, чем результат. От этого кайф надо получать, сексуальное удовлетворение – а какое тут удовлетворение, если всё это превратилось в работу в самом худшем смысле слова. Встаёшь утром, садишься за стол, пишешь. Плохо ли, хорошо – но четыре часа обязательно. Потом переписываешь полученное, подстраиваешь, что да как – хоп, готово. Стандартный среднелантливый продукт. Скучно это, уныло. Настоящая литература должна быть сырой, с кровью. Я себе такую цель поставил: написать роман с первого раза. Без всяких переписываний и повторных редакций. Помарки будут какие – предложение корявое, синоним неудачный – исправлю. А вот основную линию, сюжетные перипетии – ничего не буду менять. Куда выведет – тому и буду рад. Борис приедет сегодня – почитаю вам.

- О чём роман?

Александр Львович на секунду задумался.

– Он о восхождении человека, – подобрал он определение. – О преодолении трудностей, безвыходных обстоятельств, проклятия жизни даже. Он о том, как человек, от рождения лишённый всего, физически и психически нездоровый, вынужденный вести существование изгоя, шаг за шагом лепит из себя достойное человеческое существо.

Борис приехал в двенадцатом часу. Уже стемнело.

Глава первая

Ещё до того, как умер Костыль, мерзкий и вонючий старикашка, у которого Коля – тогда ещё ребёнок, забитый и бессловесный – жил в полуразвалившемся доме на берегу океана, уже тогда он чувствовал неприязнь к воде. Костыль, бывший матрос, смеялся над ним. Ему была непонятна эта боязнь. Не раз он пытался затащить его в море силком – с воплями и плачем Коля вырывался из его объятий и убегал в огород, чтобы спрятаться за баней. В первые секунды старика, который открывал рот лишь для еды, водки и ругательств, охватывало бешенство. Свирепо размахивая руками, он нервно передвигал свою подпорку и пытался ударить ею Колю. Тот торопливо увёртывался от ударов. Старик начинал смеяться.

– Дурень! – орал он Коле. – На всём Дальнем Востоке не сыщешь такого идиота как ты. Ты по кой хер припёрся на побережье? Как ты жить вообще собираешься, если воды боишься? Ведь из тебя только рыбак может выйти, больше никто.

Сам он окунался в море регулярно, так как баню, за которой любил прятаться Коля, никогда не топил. И не только потому, что не было денег на дрова, а просто по причине абсолютного и бесповоротного пофигизма. Смыть слой грязи можно было и в набежавшей волне, а о гигиене Костыль не заботился. Коля же в то время не мылся вовсе.

– Океан – это сущность жизни, – говорил пьяный старик, раздеваясь на берегу догола. – Он нападает на тебя, свирепствует, хочет уничтожить, стереть с лица земли, но это лишь видимость. Океан закаляет тебя, делает сильнее. Он накрывает тебя своими волнами, чтобы ты выстоял, чтобы упав, поднялся снова. Никто меня не научил тому, чему научил он.

Обнажившись, старик садился на гальку, откладывал костыль в сторону и в несколько коротких рывков перемещался в воду. Побарахтавшись у берега, он отталкивался от дна единственной ногой и, мощно работая сильными руками, заплывал далеко в море – так далеко, что иногда Коля терял его из вида. Выбравшись на берег, Костыль одевался. После купания он чувствовал себя лучше: мышцы обнаруживали в себе крепость и упругость, лицо становилось застывшим и восторженно-серьёзным, а ветер развеивал седые волосы – он был даже красив в такие моменты, этот спивающийся инвалид.

Его убили двое подростков, которых беспечный старик пустил к себе на ночь. Ночь растянулась на неделю, а затем они его зарезали. Коле они казались тогда большими и взрослыми дяденьками. Помнится, он не очень испугался, глядя, как они планомерно всаживали в него ножи – почему-то не верилось, что они сделают подобное и с ним. Они и не сделали, а даже предложили Коле уйти вместе с ними. Он отрицательно мотал головой и мычал. Они посмеялись над ним, немного побили, а потом ушли. Дня через четыре Колю обнаружили какие-то люди и сдали в приют.

Именно там он научился говорить. Было ему лет восемь, и первое своё слово он запомнил очень хорошо. Это было слово «бля». Воспитательница дико обрадовалась, услышав его. Она решила поработать с Колей именно в этом направлении, и довольно быстро он освоил ещё дюжину матерных слов и пару трёхэтажных выражений. Версия, что он врождённый дебил, отпала – его стали пускать на занятия. Вскоре он научился произносить не только крепкие выражения.

Через год он уже умел читать, и чтение по-настоящему увлекло его. За то время, что он находился в детском доме, он перелопатил кучу книг. Читал не только художественную литературу, но и многотомные научные труды. В пятнадцать лет, за две недели до получения диплома о неполном среднем образовании, который ему собирались дать не за успехи в учёбе, а лишь для того, чтобы он имел возможность поступить в училище, Коля сбежал. Искали его не особо усердно, но через пару лет всё же поймали – он украл тогда поросёнка в одной из дере-

вень. После этого происшествия его чуть не посадили в колонию и выдали паспорт. Хотели отправить в армию, но он сбежал опять. Дороги Приморского края снова позвали его. Очутившись на свободе, он первым делом хотел выкинуть паспорт, но сознание некоей его значимости успело проникнуть к тому времени в его голову, и паспорт он оставил.

Выбираться к морю в его планы не входило – он даже испугался, увидев однажды перед собой бескрайнюю водную гладь. Но у воды было легче прокормиться, и он остался промышлять в прибрежной зоне.

Оно шумело перед ним и сейчас – огромное, злое, беспощадное. Лишь крики птиц вторили биению волн. Небо с утра заволокло тучами, царил сумрак. Коля сидел на поваленном стволе дерева, гладком и скользком, и смотрел на воду.

– Тебе никогда не войти в неё, – раздался за спиной сдавленный старческий шёпот. – Ты даже приблизиться к ней боишься.

– Ну и что, – вяло отозвался он. – Мне незачем в неё входить. Я не рыба.

– Ты прекрасно знаешь зачем, – шептала старуха. – Ты – ничтожество, и море доказывает тебе это.

– Пусть. Я не хочу с ним бороться.

– Просто не можешь. Каким же убогим и жалким должно быть существо, которое не осмеливается шагнуть в море! Я всегда удивлялась: как те, кто ответственен за человеческие субстанции, допустил появление на свет такого уродца?

Коля не ответил, лишь печально оглянулся. Старая Сука выковыривала грязь между пальцами ног. Заметив его взгляд, она омерзительно улыбнулась. Вновь возникла уже впереди, стоящей.

– Смотри! Смотри! – показывала она на море. Её дряблые груди тряслись, а отвисшая задница хлупала о ляжки. – Ты видишь это?

Коля всмотрелся в горизонт.

– Вон там, под той тёмной тучей, видишь?!

Несколько секунд он вглядывался вдаль и, наконец, почти невидимая и постоянно пропадавшая не то от игры света, не то закрываемая волнами, среди водной ряби обозначилась тёмная точка.

– Катер! – крикнула старуха. – Рыбаки!

Коля привстал, чтобы убедиться в правоте её слов. Это действительно был рыболовецкий катер. Артельный причал располагался недалеко – примерно в километре. Там, на ветхом складе, представлявшем собой сарай с множеством дыр и лазов, рыбаки сгружали свой улов. Находиться он там мог по несколько дней и от того, была ли на складе рыба, зависело пропитание нескольких бездомных, промышлявших на берегу воровством. Одним из них был Коля.

– Едут, едут, – пританцовывала Старая Сука. – Будет нам еда!

– Я добуду её без тебя, – огрызнулся Коля.

– Чёрта с два! Ты беспомощный, как кусок мяса. Я вообще не понимаю, как ты ещё жив. Даже твой любимый Костыль был приспособлен к жизни больше, чем ты.

– Я не любил его.

– Но ведь тебе было жалко его?

– Нисколько.

– Ты врёшь. Ты врёшь постоянно. Всё время, что я тебя знаю.

Тёмная точка увеличивалась. В ней уже отчётливо можно было распознать судно.

– Причалит через десять минут... – бормотала старуха. – Час будут разгружать... Стемнеет к тому времени.

– Ну и к лучшему.

– А ты не сдохнешь от голода?

– Нет, у меня есть.

– Что у тебя есть?

– Хлеб есть.

– Ах ты заботливый! – дрябло засмеялась она. – Кусочек хлеба припас на чёрный день.

Коля достал из пакета, валявшегося у ног, ломоть хлеба. Он был покрыт несколькими ошмётками колбасной кожуры с тонкими прослойками мяса. Вцепившись в хлеб зубами и откусив от него изрядную часть, он принялся сосредоточенно жевать. Старая Сука скалилась, глядя на него. Стоптаные ботинки, на которых остановился его взгляд, совершенно пришли в негодность. Подошва на одном из них держалась лишь на трёх точках клея, готовая в любую секунду отвалиться. Подошва второго была покрепче, зато из ботинка выглядывали пальцы. Мечта о новой обуви была единственной, кроме традиционных фантазий о еде, которая посещала его в последние недели. Остальная одежда, особенно брюки и рубашка, были ещё ничего, вполне крепкие и совсем без дыр. Плох был свитер, дыр на нём значилось предостаточно, но свитер волновал его сейчас не так, как обувь – всё-таки было лето, и тёплая одежда требовалась лишь по ночам. Днём можно было обойтись без свитера.

Коля поднял с земли свёрнутый в трубку журнал «Наука и Жизнь» и погрузился в чтение. Читать, сидя на стволе, было неудобно. Он уселся на землю, вытянул ноги и положил голову на чурбан. Предложения складывались в абзацы, абзацы в страницы и когда статья приближалась к концу, он незаметно для себя задремал. Журнал опустился на грудь, руки съехали на землю, голова повернулась набок. Взор помутнел и какой-то блёклый, не проявленный сон с отсутствием героев и сюжета, посетил его сознание.

– Вставай! – трясла его Старая Сука. – Уже вечер.

Коля приподнялся на локте и осмотрелся. День погрузился в сумерки, ни одного судна в море не наблюдалось. Он спрятал журнал под камень, положил в карман заранее припасённый пакет, а в кулаке сжал нож.

У склада Старая Сука предупредительно шепнула ему на ухо:

– Один или двое ещё здесь. У катера.

Коля осторожно выглянул из-за угла. Чёрное, безжизненное судно покачивалось на прибрежных волнах. Рядом с ним действительно кто-то находился: огонёк сигареты выдавал присутствие человека. Человек был один. Возможно, это был сторож.

Вернувшись к лазу у противоположной стены, Коля около получаса выжидал. Наконец стемнело.

– Давай! – подтолкнула его в бок Старая Сука. – Пора.

Коля просунул голову в проём. За головой переместилось туловище, затем и ноги. Он поднялся и на ощупь направился к ближайшему контейнеру. Всего на складе их стояло штук тридцать. Первые два оказались пустыми. Лишь в третьем, наполняя его лишь на четверть, обнаружилась рыба. Скользкие рыбины выскальзывали из рук, пакет шуршал, Коля нервничал.

Наполнив пакет, он перелез через борт контейнера, прыгнул на землю и прокрался к лазу. Странное ощущение родилось где-то в позвоночнике, ощущение, что происходит что-то не то. Переварить его и сделать выводы времени не хватило. Чей-то массивный и тяжёлый сапог резко и яростно сблизился с головой. В глазах потемнело. Коля уткнулся лицом в землю и накрыл голову руками. За первым ударом последовали другие.

– Вот он, здесь! – крикнул человек.

– Ща я!.. – подбегая, отозвался второй.

Удары посыпались с двух сторон. Коля застонал. Он потянулся к карману, где лежал нож, но, едва убрав руку от лица, тут же получил удар в скулу. Удар на счастье оказался смазанным, сапог лишь чиркнул по щеке. Нож достать удалось. Коля выхватил его, наугад махнул рукой в сторону одного из бьющих и, перекатившись на бок, метнулся в сторону.

– У него пика! – зычно рыкнул один из рыбаков.

Нападавшие мужики на секунду ступевались и Коле удалось встать. Тёмные, сторбленные силуэты рыбаков колыхались поблизости.

– Режь их, режь! – завизжала Старая Сука.

Коля сделал выпад.

– Убью на хер! – крикнул он.

Рыбаки отшатнулись. Он нащупал на земле пакет, схватил его и, распрямившись, рванул наутёк.

– Крови! – вопила старуха. – Хочу крови!

Какое-то время за ним бежали. Коля оглядывался на бегу, ноги заплетались, он спотыкался и едва не падал. Два тёмных силуэта постепенно отстали. У посёлка он остановился. Сердце бешено колотилось в груди, лёгким не хватало воздуха.

– Давно так не носилась, – хрипло дышала сбоку Старая Сука.

Коля лишь кивнул на её слова.

– А рыбы совсем мало осталось, – заметила она.

Он ощупал пакет – рыбы в нём тряслось не больше половины. Однако даже с этим количеством вылазку можно было считать удачной – добычи хватало на три-четыре дня.

– Да убери ты деревяшку эту! – энергично давала советы Старая Сука, когда он разводил костёр.

– Отстань! – отмахивался он от неё.

– Ох ты, ох ты! – злобно шурилась старуха. – Водки хлебнул что ли?

Коля молчал.

– Смотри у меня! Я тебе покажу, кто тут главный.

– погоди... – шептал Коля. – Придёт день, я с тобой разделаюсь.

– Что ты бормочешь?! – повысила голос Старая Сука. – Разделаешься?..

Она недоумённо, со скорбной миной на лице трясла головой.

– Неблагодарный, – бормотала она. – Неблагодарный щенок. Ты – мой пасынок, я веду тебя по жизни. Без меня ты бы сдох сразу после рождения.

– Настанет! Этот день настанет! – тянулся Коля за бутылкой и делал очередной глоток. – Он будет прекрасен, он будет велик. День, когда ты сдохнешь, курва!

– Я буду вынуждена наказать тебя.

– Я тебя не боюсь.

Она погрузила его в припадок. Всё началось с головной боли – она была огромной и невыносимой. Потом пришли судороги. Тело передёргивалось, он катался по земле и рычал. Пена, вперемежку с кровью, текла по подбородку.

– Вот видишь, – успокоившись, гладила его по голове Старая Сука. – А всё от чего: всё от гордыни. Пренебрегаешь помощью той, кто тебя любит, возносишься выше, чем ты есть – вот и боль, вот и муки. Пообещай мне, что это не повторится.

– Обещаю, – покорно отвечал Коля.

– Обещаю что? – скалилась старуха.

– Обещаю, что этого не будет.

– А чего не будет? – не унималась Старая Сука.

– Больше не буду обижать тебя.

– Вот так-то, – улыбалась она. – Ты – ничтожество. Выблядок. Так ведь?

– Да, – кивал Коля. – Я ничтожество. Я выблядок.

Старуха облегчённо вздохнула.

– Урок вроде бы усвоен. Не заставляй меня применять такие меры.

Она подносила куски жареной рыбы к его рту. Смотрела, как он проглатывал их и радовалась, словно девочка.

– А сейчас потрахаемся, – шепнула ему на ухо.

Вторая глава

– Не знаю, не знаю, – говорил Борис Александру Львовичу на следующий день. Он восседал за рулём своего автомобиля, они направлялись в Москву. – Довольно резковатое начало. Такое ощущение, что ты хочешь дать читателю пощёчину.

С утра было жарко. Они ехали в расстёгнутых чуть ли не до ремня рубашках, с открытыми окнами. Свежести всё же не хватало. Оба потели.

– Что тебе показалось резким? – спросил Александр Львович. – Мат?

– Не только. Хотя в твоём возрасте от него уже пора отказываться. Общий настрой какой-то угрожающий.

Александр Львович хмыкнул.

– В моём возрасте! – воскликнул он. – Знаешь, почему писатели с возрастом становятся в своих текстах всё более гладкими и обтекаемыми?

– Почему?

– Потому что зажираются! Неплохие деньги в банке, загородный дом, яхта – против чего ещё негодовать?

– У тебя всё это тоже есть.

– Яхты нет.

– Так купи.

– Может и куплю, но я не хочу становиться таким вот сытым импотентским литератором, который благоухает позитивом, как дорогим одеколоном и поучает остальных как писать и жить. «Фу, ненависть!.. Фу, отчаяние!.. Как это не модно!» В сердцевине позитивной философии обыкновенный конформизм. Человек приобретает материальные блага, социальное положение и начинает просто-напросто стесняться писать о чём-то проблемном. А что обо мне подумает моя любовница, мой дантист, мои дети, если я напишу ругательство. Ведь я такой уважаемый хряк. Вот какие мысли бороздят по его заплывшему мозгу.

– Ты именно поэтому детей не заводишь?

– Самое сильное творческое чувство – это злость, – продолжал Александр Львович, оставив реплику Бориса без ответа. – Нет злости – пиши пропало. Ничего путного не создашь. Тебя всегда должно что-то подстёгивать. Некий нерв, некая неудовлетворённость.

– Недовлетворённости в тебе хватает. У тебя как вообще с сексуальной жизнью? С женой когда последний раз любовью занимался?

– Секса мне хватает, но если есть неудовлетворённость – я только рад. Значит, я ещё могу творить. А недовольство твоё я вполне могу понять. Всё дело в том, что ты – тот самый зажавшийся тип, который я только что описал. Ты боишься, что о тебе в газете что-нибудь неприятное напишут, коллеги выскажутся. Вот, мол, издатель того самого извращенца! Тоже наверно с бзиками! Да к тому же ты нувориш. Разве может человек из простонародья оценить искусство!

– Разошёлся, разошёлся, – улыбнулся Борис. – Ты сам разве не из простонародья?

– Ничего подобного! Моя прабабушка была дворянкой! Просто семья обеднела и опустилась. Со всякими пролетариями начали скрещиваться... А так я – самый настоящий аристократ.

– Не знал про твою прабабушку. А чё ты не говорил? Можно было бы это как-нибудь использовать.

– Да на фиг надо!

Две помятые машины проплыли мимо них по левому борту. Гаишник составлял акт, рядом с ним переминался человек с перебинтованной головой. Чуть поодаль значился экипаж «Скорой помощи». На обочине, накрытое брезентом, лежало человеческое тело.

– Мне вполне понятен твой посыл, – продолжил Борис, – и неоднозначные книги, как ты сам знаешь, я никогда не боялся издавать. Но я вот о чём задумываюсь в последнее время. А та ли это литература, которую ждёт читатель?

– Вот они, – язвительно кивал Александр Львович, – вот они, слова конформиста! О читателях стал задумываться, причём, разумеется, знаешь, что им нужно...

– Скажи ты, если знаешь.

– Не знаю. Да и сам читатель не знает, что ему нужно. Потому что читатель – это не существо в единственном экземпляре, это масса. Она готова принять всё, что угодно, но ей не дают сделать выбор. Потому мелодрамы да детективы и расходятся лучше всего, что только они ещё и издаются. Большинство читателей и представить себе не может, что есть другая литература. Я тебе советов никогда не давал, но сейчас рискну: начнёшь вот так остервенело заботиться о читателях – вылетишь в трубу. Или перейдёшь на выпуск макарон – макароны же нужнее!

Две легко одетые девушки призывно дефилировали по обочине. Завидев машину, стали показывать многозначительные знаки.

– Тормознём? – спросил Борис.

Александр Львович пожал плечами.

Борис остановил автомобиль. Девушки не спеша, особой походкой, которая сразу выдавала их род деятельности, подошли к машине.

– Здравствуйтесь, молодые люди! – нагнулась одна из них к окну. – Развлекаться не желаете?

– Какие расценки? – спросил Борис.

– Полторы.

– А в попу?

– О-ох, – как бы смутившись, отвела глаза девушка. – Ну, дороже будет.

– Сколько?

– Две с половиной.

– Две и по рукам.

Девушка переглянулась со своей напарницей. Та кивнула.

– Ладно, – согласилась переговорщица. – Обоим?

– Нет, – отозвался Александр Львович. – С меня минета достаточно. Сколько минет стоит?

– Восемьсот, – ответила девушка, подумав.

– Восемьсот дорого, – сказал Борис. – За отсос везде пятьсот берут.

Девушка скривила губы.

– Ладно, пятьсот, – согласилась и с этим. – В город повезёте?

– Не, больно надо! – мотнул головой Борис. – Здесь где-нибудь.

– Можно съехать, тут поляна хорошая. Ничего не видно.

– Пойдёт. Садитесь.

– С выбором героя я согласен, – говорил Борис. Москва уже красовалась на горизонте. – С антуражем в общем-то тоже. Агрессивный маргинал, асоциальный тип без семьи и друзей – в принципе, это интересно. Отчаяние, скорбь – я конечно в своих эстетических взглядах всё более ухожу от этих образов, мне они не кажутся сейчас привлекательными – но не могу не признать, что в них таится некая сила. Они производят впечатление. Но вот Старая Сука... Не знаю. Может быть, без неё было бы лучше?

– Нет, – категорически замотал головой Александр. – Она – один из неотъемлемых элементов. Убери её – и всё разрушится. Она – такой же главный персонаж, как и сам Коля. Она создаёт его. Наглядно демонстрирует, в какой реальности он существует.

– Но её ведь нет на самом деле?! Она – его фантазия, так я понял.

– Так-то оно так, но я не стал бы давать здесь однозначных объяснений. Её существование можно понимать и как реальное. То, что никто, кроме Коли её не видит, не значит, что её нет вообще. Для него самого – она самое реальное, что только есть в его жизни. Она его поводырь, его совесть, его философия. Его мать, его сестра, его жена. Без неё он не делает и шага, хотя мечтает освободиться от её чар.

– Но как она возникла? У тебя ничего не говорится об этом. Или будет дальше?

– Не будет. Объяснять её происхождение – значит нарушать концепцию романа. Она – данность. Я и сам понятия не имею, как она возникла. Но потому это и не медицинский трактат, объясняющий появление видений у психически ненормальных людей, а роман. Начнёшь объяснять всё, о чём пишешь – впадёшь в идиотизм.

– Но какая сверхзадача в её появлении?

– Сверхзадача в том, что это символ аутсайдерства и ненормальности героя. Этот роман – эксперимент для меня. По моей задумке, он должен словно отслаиваться от меня, быть спонтанным, неожиданным. Быть может, он приведёт к каким-то изменениям и меня самого.

В приёмной Бориса ожидали люди. Кабинет директора был весьма просторным и уютным. Сбоку имелась дверца в соседнюю комнатку, в которой Борис Владимирович распивал с особо важными клиентами коньяк, курил сигары и слушал музыку.

– Что за люди? – спросил он секретаршу, усаживаясь в кресло.

– Человек из Ростова, представитель торговой сети. Сказал, что разговаривал с вами по телефону.

– Так, помню. Ещё кто?

– Две девушки из рекламного агентства. Тоже договаривались.

– Примем.

– Щербаков подходил.

– Где он?

– У себя.

– Его первым пригласи.

Щербаков был заместителем Бориса. Секретарша, стройная, но несколько плоская девушка по имени Наташа, сделала движение к выходу, но, помедлив, снова повернулась к Борису.

– Ну, и этот ещё ждёт, – сказала она, – молодой писатель.

– А-а, – поморщился Борис. – Знаешь что, ты его отшей как-нибудь деликатно. Издавать всё равно не будем, зачем надеждами питать.

– Ольга Валентиновна положительную рецензию дала. Даже рекомендовала.

– Нет, – мотнул головой Борис. – Нет у меня на него времени.

– Молодой автор? – вклинился в разговор Александр Львович. – Талантливый?

– Чёрт его знает, – пожал плечами Борис. – Вроде бы.

– Так помогать надо!

– Нет, – снова мотнул головой Борис. – Одному помогу, их тут тыщи возникнут. Проводи его, Наташ, проводи.

В кафе, располагавшемся в соседнем с издательством здании, было пустынно. В меню имелись кофе, чай, вина и соки. Александр Львович остановился на соке с бутербродом. Усевшись за свободный столик, он развернул газету. Читал невнимательно, перебегая глазами

с абзаца на абзац, лишь на спортивных новостях остановился более подробно. Девушка-бармен внимательно на него поглядывала. Возможно, узнала. Лицо Низовцева было не бог уж весть насколько растиражированным, но всё же известным. В телевизионных передачах он нет-нет, да принимал участие. «Раз ты публичная личность, – говорил ему Борис, – надо продаваться. Чем больше будет мелькать по телевизору твоя морда, тем выше станут тиражи». Александр Львович не спорил, потому что это действительно было так. Девушка смотрела на него наивно, почти влюблённо, он уже собирался заговорить с ней, но ввалившаяся в кафе компания молодёжи спутала его намерения. Девушка отвлеклась на них, компания же была шумной, а потому не только знакомиться с девушкой, но и просто находиться здесь стало неприятно. Александр допил свой сок и вышел наружу.

Чуть выше по улице располагался книжный магазин. Александр Львович читал сейчас редко и большей частью не художественную литературу, но в книжные магазины заходить любил. Хотя бы просто для того, чтобы увидеть на полках свои собственные книги. На всю жизнь отложился в памяти тот момент, когда он, ещё зелёный литератор, увидел в магазине свою первую изданную книгу. Момент был сильнейший! Люди брали её в руки, смотрели, открывали, а потом какой-то мужчина, захватив экземпляр, подошёл с ним к кассе и заплатил за неё деньги! Покорителем мира, Капитаном Земли почувствовал он себя в тот момент. Мир дрогнул, действительность треснула и обозначила проёмы. С годами чувства притуплялись, но вид собственных книг на полках магазинов неизменно вдохновлял его и вливал новые силы.

Здесь он обнаружил три свои книги. Два последних романа и один из ранних – «Пещерные волки». С него и началась его слава.

– Как Низовцев идёт? – спросил он у одной из продавщиц.

– Нормально, – ответила та, хотя и была несколько удивлена вопросом.

– Дело в том, – придумывал Александр Львович на ходу легенду, – что я – директор книготоргового объединения. Из Новосибирска. Приехал вот в Москву книги закупать. Хотелось бы приобрести самые ходовые, не прогадать. Мне Низовцева советовали.

– Низовцев всегда хорошо расходуется, – сказала девушка. – Один из самых популярных авторов. Можете смело его приобретать.

– А вот какая из трёх книг самая продаваемая?

Девушка задумалась.

– Ну вот эта пожалуй, – показала она на «Время мохнатых спин». – Новая потому что. Новое всегда лучше расходуется.

– А эти две?

– «Пещерные волки» лучше идёт. «Немезида» на третьем месте. Но тоже берут.

Как ни хотел он в очередной раз запечатлеть в памяти покупку своей книги, но не получилось. Никто их при нём не купил. Может быть потому, что посетителей было совсем немного.

Едва он вышел на улицу, зазвонил сотовый.

– Ты где? – это был Борис.

– Тут, поблизости. В книжном.

– Я закончил свои дела. Проветриться не желаешь?

– В каком направлении?

– К одной интересной женщине.

– Домой?

– Нет, мы в клубе договорились встретиться.

– Что за женщина?

– Интересная.

– Интересная для обоих или только для тебя?

– Только для меня.

– У-у-у...

- Составь мне компанию. Там ничего особенного не будет. Обед, и всё.
- Ну ладно, поехали.
- Где ты говоришь? У книжного? Сейчас я, через минуту буду.

Клуб, в котором Борис договорился встретиться со своей дамой, находился где-то на Юго-Западе. Июнь начинался совсем безрадостно, дождливо, но сейчас погода вроде бы разгулялась. День был солнечный, на небе – ни облачка, зелень приятно ласкала глаз.

– Вот ты говоришь, – начал Борис, – что человек из простонародья не в состоянии понять искусство.

Александр Львович удивлённо посмотрел на него – он уже не помнил за собой таких слов.

– Я с тобой согласен. Я даже больше скажу: я не понимаю искусство. Абсолютно и бесповоротно не понимаю! Но скажи мне пожалуйста, а есть ли люди, которые понимают его? Существуют ли они в природе?

– Конечно существуют.

– Ты уверен?

– Уверен.

– Сильно сомневаюсь в этом. И знаешь почему? Потому что сильно сомневаюсь в существовании искусства.

– Ну ты загнул!

– Я серьёзно. Искусства нет, есть лишь иллюзия о нём. Ведь если разобраться по сути, что есть искусство? Что?

– Это всем прекрасно известно.

– Кажется, что известно, а на самом деле – нет. Если разобраться в самых глубинах этого явления, причём разобраться с позиции психологии, может быть в какой-то мере с субъективной позиции, но именно с такой и надо разбираться, потому что объективность в мире отсутствует, то приходишь к выводу, что искусство прежде всего – это вера. Вера в условность, в надуманность.

– Ну и что?

– А то, что как только эта вера прекращается, прекращается и искусство. Вот я смотрю на картину и мне говорят: «Оцените великие мазки этого художника. Как они естественны и гениальны!» Да, думаю я, а ведь на самом деле что-то есть такое. Запускается самовнушение, оно растёт, его всё больше, и вот уже я действительно верю, что эти кривые линии – нечто значимое и великое. Но с какого хрена! Где эталон измерений, где момент объективности?! Это просто психоз, меня дураят, потому что когда я отохожу от этой картины, то вся вера пропадает. Она больше не кажется мне великой. Или взять хотя бы литературу. Вот ты пишешь, допустим, такую фразу: «Он проснулся, побрился, поел и пошёл на работу».

– Что-то не похоже на мою фразу.

– Я условно говорю. Не эта, так другая фраза. Но почему я должен тебе верить, что он проснулся, побрился и поел? Почему я должен тебе верить, что вообще есть такое существо – он? Когда я читаю это и пытаюсь воспринимать всерьёз, я обнаруживаю в себе лишь ментальный сдвиг, я чувствую, что вступаю, как в болото, в какую-то зыбкую, дрожащую субстанцию своей психики, где как на крючок меня ловят моей доверчивостью и открытостью. «Он проснулся...» – чёрт возьми, ты словно разделяешься, и какой-то один предательский слой липнет к этому звуковому ряду и заставляет тебя принимать эту враждебную несурязицу. Как же несовершенен ещё человек, если его можно купить на такие дешёвые трюки...

– Не слишком ли радикальные мысли для книгоиздателя? – спросил Александр Львович. Он пытался быть серьёзным, но улыбка так и пробивалась сквозь сжатые губы.

– Возможно. Думать вообще вредно. Сомнения появляются, неуверенность, а это вредит катастрофически.

– Рассуждения твои мне понятны, но, видишь ли, друг мой, – Александр Львович уже не скрывал иронии, – они всё же весьма наивны. В искусствоведческих институтах студентов на первом курсе учат всему тому, что ты говорил, но более грамотно.

– Значит, не только я к таким мыслям пришёл.

– Понимать искусство надо проще. Искусство – это то, что создано силой творческого воображения. Объективно ли искусство? Да, объективно. Вот висят картины, вот стоят скульптуры, вот лежат книги. Они есть, они реальны. Нужно ли искусство людям? Да, безусловно. Ни один человек, даже самый тупой, уже не сможет прожить, чтобы не посмотреть какой-нибудь фильм, чтобы не послушать какую-нибудь музыку, пусть они и верх идиотизма. Так что в этом вопросе лично я твёрд и непоколебим.

Глава вторая

Утро выдалось холодным и сырым. Именно от холода Коля и проснулся. С дырявого днища перевёрнутой лодки капала вода, коварные сквозняки обдували тело. Капли воды вскоре превратились в ручей, он стекал прямо на спину. Ветер усилился и сквозняки пронизывали до костей. Терпеть не было сил. Коля выбрался наружу.

– С добрым утром! – приветствовала его Старая Сука. – Как спалось?

– Плохо, – недружелюбно отозвался он.

– Что так? – удивилась она. – Не заболел ли?

– Может быть. Всю ночь лило и продувало – разве можно спокойно поспать в таких условиях!?

– Ну что поделаешь, если ты – никудышное чмо, у которого нет ни гроша за душой. Ты должен быть доволен такими условиями.

– Я доволен.

Было часов пять утра. Солнце недавно взошло. Воздух стоял серый, туманный, влажный, а скопившиеся на небе грозной армадой тучи не пропускали ни единого солнечного луча. Океан казался усталым. Он неторопливо запускать на берег вялые волны. Они нехотя омывали прибрежную гальку и, словно стесняясь своей наглости, застенчиво отползали назад.

– Какое чудное утро, не правда ли? – снова заговорила Старая Сука.

– Да уж, спору нет.

– Оно такое мрачное, седое, пыльное. Слово выпрашивает у тебя какую-то тайну и требует невиданных знаний. Ты ведаешь тайну, обладаешь знаниями?

– Нет, – мотнул он головой.

– Я догадывалась об этом. Вряд ли природа будет благосклонна к тебе – ты не можешь дать ей ничего.

Коля промолчал. Остатки сна почти сошли на нет, лишь где-то в глубине мозга колыхались его усталые производные. Почти готовые замутить сознание, развеять ориентиры, но заново погрузить в сон – вряд ли. Они были уже не те.

Он пошарил под лодкой – не осталось ли чего поесть. Мозг чётко и недвусмысленно выдавал отрицательный ответ, но наивное тело не верило ему. Ничего, конечно же, не нашлось.

Коля разочарованно вздохнул и побрёл вверх по берегу. Меньше, чем в километре виднелись дачные домики. Шагать было тяжело и неудобно. Большие, набитые водой и грязью ботинки заставляли то и дело спотыкаться.

– Смотри, огурцы! – показала Старая Сука на ближайший огород. – Залезай, похаваешь.

Совет оказался дельным. Калитка была закрыта не на замок, а на проволочную затяжку, размотать которую не составило труда. Огурцы не созрели, горчили, но жаловаться на это не приходилось.

На соседнем участке овощей нашлось больше. Кроме огурцов здесь росла морковь, кабачки, зелёные помидоры, но кроме всего прочего красовалась клубника, совсем уже красная, сочная. Удалось забраться в дом – через балкон. Лишь разочарование ожидало его здесь. В доме не обнаружилось ни единой корки хлеба.

– Вот ведь люди, – горестно качал он головой, – ни крошки не оставили. Прямо подыхай с голоду.

– Не говори-ка, – поддержала его Старая Сука, – только о себе заботятся.

– Хоть корку хлеба!

– Люди сейчас не те, – кивала головой старуха. – Они алчны, злы и совершенно лишлись добропорядочности. Я не помню, когда в последний раз встречала человека, который бы заслуживал хоть каплю уважения. Не уверена, что остались такие.

Облазив ещё несколько огородов, Коля наконец-то нашёл то, что искал. Полбуханки ржаного хлеба лежало прямо на столе, да и проникать в дом окольными путями не пришлось – дверь оказалась открытой.

Дом был самым обыкновенным: две комнаты на первом этаже, одна из которых служила кухней, и комната на втором. В ней, под ворохом разноцветного тряпья, кто-то спал на кровати. Увидев человека, Коля отшатнулся и замер, прижавшись к стене. Человек не шевелился. Коля перевёл дыхание, облизнул дрожащие губы и осторожно приподнял одеяло. Спящим человеком оказалась девушка лет шестнадцати.

– Уф, а я уже испугалась! – выдохнула Старая Сука. – С девчонкой-то мы справимся.

Коля ей не ответил. Он склонился над кроватью и пристально вгляделся в лицо спящей девушки. Дыхание её было ровным, лицо спокойным – она не притворялась.

Он присел на край кровати и сдёрнул с неё одеяло. Девочка напряжённо вздохнула, повела носом, но не проснулась. Она спала в майке и трусиках. Трусики были совсем крохотные, к тому же сбились набок. Коля протянул руку, просунул её под ткань и замер. Девушка всё так же сопела. Он продвинул ладонь между ног и пальцем погладил бугорок. Он был очень мягким, нежным и едва-едва покрылся первой порослью.

Выражение лица девушки менялось. Щёки розовели, веки вот-вот готовы были открыться. Она просыпалась.

Открыв глаза, девушка несколько секунд вглядывалась в стену, потом перевела их на Колю. Тот смотрел на неё пристально и напряжённо.

– А я думала, мне это снится, – улыбнулась вдруг она. – Блин, думаю, так здорово – кто-то во сне трогает меня. Такой кайф! А это, оказывается, на самом деле.

– Могу трогать тебя сколько угодно, – сказал Коля.

– Здорово.

Постель манила теплом и спокойствием. Остатки не проявленного сна зудели в голове. Он не стал им сопротивляться – лёг на кровать и закрыл глаза. Девушка прижалась к нему и трепетно обвила рукой.

– Однажды она родит тебе такого же выблядка, как ты сам, – услышал он голос Старой Суки.

Они спали до обеда. День был таким же серым, облачным и тяжёлым, каким и начинался. Девушка проснулась раньше. Облокотив голову, она заплетала два клока грязных Колиных волос в косичку.

– Отстань, – мотнул он головой. – Я тебе не кукла.

– Ты такой красивый во сне, – сказала она. – Я прямо залюбовалась. Вот проснулся и сразу безобразным стал. А во сне – очень симпатичный.

– А ты вообще уродина. И во сне, и так.

Девушка гладила его по плечу.

– Как тебя зовут?

В первую секунду Коля хотел соврать, но потом подумал, что не хватало ему ещё сопливой девчонки бояться и ответил честно:

– Николай.

– Николай... – произнесла она за ним. – Не самое, конечно, лучшее, но пойдёт. А меня – Марина.

– Ну и хрен с тобой!

Девушка рассмеялась.

- Какой ты забавный!
- Ещё раз так меня назовёшь, – злобно сверкнул глазами Коля, – убью!
- Ладно, ладно, не буду, – успокоила его Марина. – Давай поцелуемся.
- На фиг надо...
- Ну давай! Мне хочется.
- Коля безмолвствовал.
- Ну пожалуйста, Коль!

Почему-то это подействовало. Коля не пошевелился, но по выражению его лица стало ясно, что целоваться можно. Марина наклонилась к нему. Поцелуй получился сухим, но Коля, сначала где-то в глубинах позвоночника испытал удовольствие. Марина гладила его грудь, а потом просунула ладонь в штаны.

– Ой-ой-ой, – скривилась Старая Сука. – Что за телячьи нежности. Ты ещё влюбись в неё, Николай!

Коля её игнорировал.

– Хорошо, да? – улыбаясь, сказала Марина.

– Нет, не хорошо, – отвернулся он к стене, но голос его был не столь убедителен, и девушка поняла его как подтверждение.

– Ты наверно кушать хочешь? – спросила она.

– А у тебя есть?

– Есть. В погребе две банки огурцов стоят. И банка аджики! Ел когда-нибудь аджику?

Коля не ответил. Аджику он не ел, Марина так и поняла.

– Пойдём! – потащила она его вниз.

Они спустились на первый этаж, и Марина показала ему под кучей сухих веток, служивших топливом для костра, крышку погреба. Коля открыл её, спустился в залитую водой яму и, пошарив в мутной жиже рукой, изъясил на свет банку огурцов и банку аджики. Второй банки с огурцами не нашлось.

– Видимо одна осталась, – объяснила Марина.

Рады были и этому. Коля открыл обе банки зубами. Огурцы были слегка протухшими, как, впрочем, и аджика, но вполне съедобными. Аджика ему понравилась. Сначала он окунал в неё огурец, но на огурцах она не держалась, и он стал черпать её ладонью.

– Ложку возьми, поросёнок! – протянула ему кривую и ржавую ложку Марина.

Коля замахнулся, чтобы врезать ей. Марина, закрыв лицо руками, подалась назад.

– Не буду, не буду больше!

– Хватит! – сказал он, закрывая банки. – На потом оставим.

– Правильно, – кивнула Марина. – Потом тоже захочется.

У калитки раздалися шаги. Чья-то тень мелькнула за окнами.

– О-о-о, – погрустнела девушка. – Мать приехала. Как я не хочу её видеть!..

Старая Сука скалилась.

– Что, попался!? – кивнула она Коле.

Тот шарил глазами по углам не то в поисках путей для бегства, не то отыскивая что-нибудь тяжёлое и твёрдое. Дверь открылась, и высокая худая женщина лет тридцати пяти вошла в дом. В руках её было ведро и сумка.

– Ого! – окинула она взглядом комнату. – Весёлая компания... Жениха что ли завела?

– Он не жених, он мой муж, – с наигранным оскорблением ответила Марина.

«Ведь муж, да?» – вопрошали её глаза.

– Ничего себе, – хохотнула женщина. – Ну ты даёшь стране угля!

Она сняла обувь, прошла к столу, поставила ведро с сумкой на пол и осмотрелась.

– И огурцы успели найти, и аджику... – задумчиво смотрела она на банки. – Ладно, ешьте, – махнула потом рукой, – всё равно испортились бы.

Нагнувшись, она достала из сумки привезённую с собой еду. Буханку хлеба, пакет молока, а также куриный окорок в целлофановом пакете.

– Как тебя звать, муж? – спросила она Колю.

– Его звать Николаем, – ответила за него Марина. – Я в него сразу влюбилась.

– Ольга, – кивнула женщина. – Костёр разведёшь?

– Разведёт, разведёт, – пообещала Марина. – Где спички?

Взяв у матери спички, она потащила Колю наружу.

– Терпеть её не могу, – говорила ему на ухо. – Из-за неё сюда и приехала. Я ведь из дома сбежала. Два дня жила спокойно, и вот – она тут.

– Я сразу догадалась, – кричала из дома мать, – что ты сюда уехала. Ладно, думаю, пусть пару дней поголодает, всё равно никуда не денется.

– Слышишь? – толкнула его в бок Марина. – Стерва, да?

– На твоём месте, – сказала Старая Сука, – я бы отсюда смоталась. Гнилые людишки. Неизвестно, что у них на уме.

Повертев в руках коробок спичек, Коля принялся разводить костёр. Марина подтаскивала сучья.

– Ты даже представить себе не можешь, – жаловалась она, – какая она злая, моя мамашка. Сейчас добренькой притворяется, не верь ей. Она как начнёт дурью орать, бьёт меня чем попало, матерится. Бухает по чёрному, мужиков в дом водит, трахается с ними как кошка. Ты смотри, не попадись к ней, а то она и с тобой захочет.

Костёр потихоньку разгорался. В саду стояла помятая печка-буржуйка, разжигали в ней. Коля, сколько себя помнил, всегда любил огонь. Сидеть в кромешной тьме у добродушного и таинственного огня – что могло быть лучше. Языки пламени заплетались в причудливые узоры, манили. Ничего не хотелось больше, огня было достаточно, на нём сходились все стремления и потребности.

– Следите за водой, – поставила Ольга на печь кастрюлю. – Как закипит, скажите.

– Ладно, – отозвалась Марина.

Ольга не торопилась уходить.

– Коля, – провела она ладонью по его волосам, – а сколько тебе лет?

– Не знаю, – буркнул он.

– Слышала, не знает! – воскликнула Марина.

– Ну как же так не знает, – не убирала руку мать, – все знают свой возраст.

– О своём молчи лучше, – снова попыталась уколоть её дочь.

– Почему молчи? Я ещё очень молодая девушка.

– Девушка! – хмыкнула Марина. – Старуха скажи.

– Мне всего тридцать три. Я ведь Маринку в семнадцать родила. Может, чуть старше выгляжу, но в душе я совсем ещё юная.

– Слышишь? – толкнула Марина Колю в бок. – Совсем свихнулась баба, да?!

Мать дала ей подзатыльник.

– Ты прекрати со мной так разговаривать! Ты ещё сопля зелёная. Я шучу, шучу, а потом как врежу – не поздоровится.

– Во, началось, – плотнее прижалась к Коле девочка.

– А Коле наверно лет двадцать, да ведь, Коля? – продолжала Ольга, уже добродушно. – Самый лучший возраст. Ни забот, ни хлопот.

– Хватит паясничать, – попросила Марина. – Занимайся своими делами.

Присев, Ольга ткнула её кулаком в бок.

– Ещё хочешь?

– Хочу, – огрызнулась девочка.

Мать врезала ей ещё раз.

– Прекрати! – ударил её по рукам Коля. – В морду захотела?!

Ольга расплылась в улыбке.

– Ого, суровый какой!

Марина с гордостью и обожанием смотрела на Колю. Ольга снова его погладила.

– Да шучу я, чё вы... За водой сходишь, Николай? Ещё понадобится, а больше нет.

– Он не знает где вода, – сказала Марина.

– Ну пойдём, я покажу.

– Я сама покажу, – поднялась Марина на ноги. – Пойдём, прогуляемся. А то на эту смотреть – с ума сойдёшь.

Коля не возражал.

– Коля! – недоумевала Старая Сука, – неужели тебе нравится с ними, а? Ну я понимаю, поесть, поспать – ну и всё, хватит.

– Отстань, – буркнул он.

Старая Сука неодобрительно сморщилась.

– Видишь, как мамашка начала к тебе подбираться, – говорила Марина. – Ей завидно, что я тебя отхватила, вот она и злится. Ты не поддавайся ей, сопротивляйся. Я уж в любом случае лучше, да ведь?

– Конечно.

Из-за туч первый раз за день выглянуло солнце. Снова прятаться не стало. Небо очищалось, и остаток дня обещал быть солнечным и тёплым.

Вернувшись с ведром воды, они легли загорать. Марина принесла из дома облезлое покрывало с многочисленными дырами, расстелила его между грядками и пригласила Колю присоединиться.

– Давай голыми, – предложила она. – Всё равно никто не увидит.

– Мать твоя увидит.

– Ну и хрен с ней. Лопнет только от завидков.

Разделись догола.

– Какой ты грязный! – гладила его по спине Марина. – Прямо целые комья отваливаются. Давно не мылся?

– Не твоё собачье дело.

– Ну ничё. Домой приедем, помоешься.

Ольга возилась у печки. С усмешкой посматривала на них.

– Мне так нравится тебя по попе гладить, – говорила Марина. – Знаешь, это мечта детства. Я так и представляла себе: рядом со мной лежит муж, мы оба голые, а я глажу его по попе.

– Радуйся, – сказал Коля. – Твоя мечта сбылась.

Сзади раздалися шаги, по земле распростёрлось ещё одно, не менее ветхое, одеяло, и Ольга, тоже голая, улеглась рядом с ними.

– Можно к вам? – улыбнулась.

Марина скривилась.

– Фу, дряблые титьки свои не светила бы!

– А они не дряблые, – тронула себя за грудь Ольга. – Они вон ещё какие тугие! Вот потрогай, Коль.

– Не хочет он твои титьки трогать!

– А вдруг хочет? Коль, хочешь?

Коля вытянул руку и потрогал её за грудь.

– Ну как? – спросила Ольга.

– Дряблые.

– Вот так-то! – обрадовалась Марина и даже захлопала от радости в ладоши.

– Ничего вы не понимаете, – обиженно ответила Ольга.

Старая Сука загорала здесь же.

– Я тебя понимаю, – говорила она, – сразу две бабы и обе хотят, но всё же не забывай про меня, ладно. Они сегодня появились, а я была с тобой всю твою жизнь. У тебя ещё много может быть женщин, и я с этим с горестью смиряюсь. Женщин может быть много, но одной-единственной останусь только я. Так ведь, Николай?

– Так.

– Смотри, как ноги раздвинула, – шептала ему на ухо Марина. – Словно говорит: ложитесь на меня, кто хочет.

Она прыснула от своих собственных слов. Коля тоже не удержался от смеха.

– Побрилась бы хоть немного, – снова шептала Марина. – А то там заросли, как в Африке. Оба снова рассмеялись.

– Я всё слышу, – подала голос Ольга. – Тебе, сучке, жопу надо надрать. А лобок бреют только такие шлюхи, как ты.

– Я ничего не брею, – огрызнулась Марина.

– Потому что у тебя ничего не растёт.

– Вот и замечательно! Коле именно это и нравится.

– Откуда ты знаешь?

– Да уж знаю.

– Коль! – спросила его Ольга. – Тебе как больше у женщин нравится – когда бритая, или небритая?

– Бритая, – ответил он.

– Вот тебе! – обрадовалась Марина.

Ольга изобразила недовольную мину.

– Обед готов, – сообщила она вскоре. – Если хотите, пойдёмте есть.

Коля хотел есть всегда. Марина тоже проголодалась. Одевшись, все направились в дом.

– Суп с крапивой, – разливала Ольга суп по тарелкам.

– Да, только такой ты и можешь, – подначивала её Марина.

– Очень вкусный. Коле понравится.

На Колю, который не ел суп уже несколько месяцев, горячая, дымящаяся похлёбка произвела магическое действие. Он съел две тарелки. Тепло разливалось по внутренностям, сытость заполняла желудок, и мозг расслаблялся, позволяя проникнуть в тело хорошему настроению.

– Не забывай, Николай, – предупредила его Старая Сука, – что за тарелку баланды многие люди продавали себя и близких.

Был ещё горячий компот из малины и черноплодной рябины. Коля раскраснелся, размяк и глупо улыбался, обводя женщин осоловевшим взглядом.

– Надо бы ещё грядки прополоть, – сказала Ольга, – и ягоды собрать. Этот год мало совсем. Поможешь, Коля?

– Помогу, – кивнул тот.

– Вот и ладно. Ну а потом и домой можно. Что ещё тут делать, правда?

Третья глава

Было солнечно и жарко. Хотелось прохлады, тени, невинной влаги во рту. Александр Львович сидел на веранде, просматривал газеты и пил сок. Елена Васильевна присоединилась к мужу.

– Хочешь? – предложил писатель напиток.

– Хочу.

Он налил ей из кувшина стакан апельсинового сока. Сок был прохладный и вкусный.

Вепрь, старый и заслуженный пёс, нехотя вылезал из своей будки на солнцепёк. Был он сейчас тихий и почти не лаял. Все понимали, что он доживает свои последние годы и заслуживает право на отдых.

– Читала твоё новое, – сказала жена. – Очень впечатляет.

– Серьёзно?

– Ты проявил в них свою истинную сущность.

– Какую?

– Порнократа.

– Ха! – хохотнул Александр Львович.

– У тебя и раньше то ляжка, то титка на каждой странице сверкали, но здесь ты превзошёл себя. Отборнейшая порнография!

– Ты говоришь это, – поморщился Александр Львович, – как бы осуждая?

– Да нет, что ты!

– Какие-то праведные инстинкты в тебе проснулись. Я с тобой не согласен насчёт порнографии, но даже если это так, то что из этого?

Елена смотрела на него прищурившись.

– Что из этого, что? – продолжал Александр Львович. – Вот ты говоришь «порнография» и словно земля после твоих слов должна разверзнуться. А я рухнуть в этот проём. Ну и что, что порнография? Если она нужна для передачи замысла, для создания верного образа – она необходима. А всё это моральное бление уже не актуально.

– Но, видишь ли, существуют определённые каноны, которые, хочешь ты того или не хочешь, приходится признавать.

– Спорное утверждение. Но, допустим, это так.

– Так вот, эти каноны заставляют занимать определённые жизненные позиции. Позиция порнографического писателя, к которой ты явно стремишься и к которой, как я сейчас понимаю, стремился всю жизнь, это позиция писателя-маргинала.

– Замечательно! Писатель-маргинал – это голубая мечта моего детства.

– Может быть. Но вот в чём дело... Этой позиции надо соответствовать социально. Вот если бы ты был нищим и обозлённым неудачником, который сидит где-нибудь за Уральским хребтом, никем не признанный и без всяких шансов пробиться – вот тогда бы твоя порнография смотрелась более-менее естественно.

– Потому что на неё было бы всем насрать, да?

– А сейчас ты – заслуженный и уважаемый литератор. Член союза писателей, лауреат всевозможных премий. Ты преподаёшь, у тебя круг общения соответствующий. Твои порнографические потуги будут выглядеть весьма странно.

– Ах, ну да, ну да! Как я людям в глаза посмотрю!? Как мои ребята это воспримут!?... Да они ещё похлеще пишут!

– Они так пишут, потому что бестолочи и не знают, что их никто печатать не станет. А ты в твоём возрасте уже должен задумываться о своём положении в обществе.

– Ну вот, сказанула! Так что же, по-твоему, самое главное для писателя – это карьера, а не свобода мыслей и эмоций? То есть до тридцати ещё можно радикализм проявлять, до сорока уже постыдливей пиши, до пятидесяти ещё ту же гайки закручивай, ну а после пятидесяти – так вообще порожняк какой-нибудь гони. Лишь бы высоконравственный был.

– Ты это всё вульгарно рисуешь, но в общем-то примерно так и должно быть. Да, дорогой мой, самое главное для писателя – это его карьера.

– Ни хера подобного! И знаешь почему? Потому что положение в обществе – это миф. Миф, который ни к чему не обязывает. В союзе писателей я с момента вступления не был и до сих пор не понимаю, зачем он мне нужен. Премии, о которых ты говоришь, все до одной – независимые! Их ни государство, ни твои почтенные и сказочные пердуны-разложенцы мне не давали. Мне давали их критически настроенные, думающие люди. А преподавательская деятельность – это вообще несерьёзно, потому что я веду её на общественных началах. Это и деятельностью-то назвать нельзя. Я это литературное объединение исключительно из любви к профессии взял. И никто под этим не подразумевает тяжкую моральную ответственность, и никакого сверхъестественного социального положения из этого не вытекает.

– Вот приедут к тебе сегодня ученики – так им и скажи об этом.

– Они об этом лучше меня знают. И никакие они не ученики, что за идиотское слово ты нашла! Никто их так не называет, кроме тебя. Они – мои коллеги и у меня с ними совершенно равноправные отношения.

– Но кроме твоего социального положения, в которое ты отказываешься верить, твоя порнография и по другому удар наносит.

– По чему это?

– Она заставляет задуматься, а всё ли в порядке у тебя с головой? Из каких глубин исходит это твоё влечение? Может, ты не только писать об этом любишь?

– Вот он, психоанализ!.. Всё им заканчивается... Да, я люблю трахаться!

– Видно, не только со мной...

– Э, оставь! А глубины, про которые ты говоришь – они у всех одинаковые. Просто одни их признают, а другие стыдливо умалчивают.

– Но согласишься, что ты живёшь не в обществе свободных и естественных людей, которые всё понимают. Люди глупы и косноязычны, они чёрт знает что о тебе начнут говорить.

– Просто ты боишься, что тебе на работе что-то не то скажут. Понятно.

– Я тоже от людей завишу и никуда от этого не деться.

– Вот гляжу я на тебя, Лен, и какие-то катастрофические изменения в тебе наблюдаю. Где та убеждённая хиппи, которая, не стесняясь, давала любому, кто ей нравился? Которая не думала ни об общественном мнении, ни о своём положении?

– Я была хиппи, когда ещё не работала и жила на родительские деньги. Да, тогда всё было проще. А вот сейчас, когда приходится самой себя кормить...

– Ох ты, ох ты! А я как бы тут не при чём, значит. Не пришей к кобыле хвост, да?

– ... то задумываешься о том, что чего стоит и как надо себя вести.

– Задумывайся, задумывайся. Может, к чему путному придёшь.

Несколько мошек вяло атаковали лежащего на поляне Вепря. Так же вяло, небрежным поднятием лапы, тот от них отмахивался.

– Да и потом, – снова заговорил Александр Львович, – хоть ты и называешь это порнографией, мы с тобой прекрасно понимаем, что это не так. Никакая это не порнография.

– Не знаю, не знаю, – отозвалась Елена.

– Просто ты злая сегодня и говоришь мне назло.

Жена усмехнулась.

– Ну, если тебе приятно так думать...

Вепрь, дремавший всё это время, вяло твякнул. Открыл глаза, приподнял голову и очень осмысленным, умным взглядом посмотрел на хозяев.

– Есть, что ли, захотел? – предположила Елена.

Она встала из кресла и, спустившись по ступенькам, сошла на дворовую поляну. Вепрь встретил её благосклонным шевелением ушей. Елена Васильевна заглянула в миску – еды в ней было предостаточно.

– Есть еда, – повернулась она. – Вроде ничего не ел даже. Не заболел ли, а? – потрепала она пса по голове.

Вепрь, расценив ласку хозяйки как приглашение к игре, вскочил и приветливо залаял, готовый в любую секунду кинуться за брошенной в кусты палкой.

– Здоровый, – сделала вывод Елена.

Напрасно взбаламученный пёс снова улёгся в траву и прикрыл глаза. Елена Васильевна осматривалась по сторонам.

– Саша! – позвала она мужа. – Посмотри, трава какая высокая!

– И что?

– Почему ты её не пострижёшь?

– Некогда.

– Я тебе уже давно говорю об этом. Займись, а. Прямо сейчас, всё равно делать нечего.

– А косилка работает?

– Работает, с чего ей не работать.

Александр Львович раздумывал.

– Ладно, сейчас. Дочитаю вот.

Все инструменты, в том числе и газонокосилка, лежали в сарае. Сарай этот был возведён Низовцевым собственноручно, чем он весьма гордился. Он не был большим любителем физического труда, но порой заниматься им приходилось. Собачья конура, поручни на веранде, почти весь забор являлись наглядными примерами его трудовых талантов.

Косить траву было делом приятным, особенно по такой погоде. Трава вымахала по колено, а у заборов доходила и до пояса. Тропинка от ворот к дому оставалась единственным свободным маршрутом, но и он зарастал под натиском поросли. Поленившись с полчасика, Александр Львович взялся за косьбу.

После обеда к нему приехала молодёжь – члены литературного объединения, которое он возглавлял вот уже два года. Обычно заседания проходили в Доме Культуры одного московского завода, который любезно предоставлял известному писателю комнату для творческих нужд, но на этот раз Александр Львович решил пригласить некоторых ребят к себе домой. Они прибыли в количестве трёх человек.

– Ну что же, – обвёл Низовцев молодых людей многозначительным взглядом. – Давайте начнём.

На столе красовалась тарелка с фруктами и бутылка лёгкого вина. Две девушки и парень, не притрагиваясь, смотрели на бокалы. Александр поднял свой и жестами предложил ребятам не стесняться. Они отпили по глотку.

– Начать предлагаю с Татьяны, так как у неё стихи.

Таня, красивая темноволосая девушка, застенчиво опустила глаза.

– Стихи, – продолжал Александр Львович, – как вы знаете, не совсем мой профиль, и я тебе, Тань, говорил это, когда брал их. Я могу высказать своё сугубо личное мнение. Указать точно и неопровержимо как надо писать, а как не надо, я не смогу. Стихи в своё время я тоже писал, штуки четыре даже печатались, но потом как-то охладел.

– А почему? – спросила, подняв большие красивые глаза, Таня.

– Даже не знаю, – ответил Низовцев. – Отошло само собой и больше не тянет. Чтобы писать стихи надо быть очень честным. Я бы даже сказал, болезненно честным. С собственной души, да и плоти тоже, стружку снимать. Видимо у меня это не получалось. Я относился к поэзии играючи, как к эксперименту, а она этого не прощает. Ей надо отдаваться полностью, сгорать в её домнах, испепеляться. А я не желал сгорать раньше времени. А может просто боялся... Теперь о твоих стихах. Они мне понравились.

Таня непроизвольно улыбнулась.

– Самое главное, что я в них увидел – это профессионализм. Придраться практически не к чему, всё сделано очень сильно. Рифмы, ритмика, образы весьма впечатляющие – уносит и захватывает. Уносит и захватывает, без дураков! Ну а содержание... Тут вряд ли что-то путное я скажу, потому что содержание очень личное. Ты согласна?

– Да, конечно.

– А рассуждать о личном, и тем более критиковать нельзя. Тут или понравилось, или нет. Мне – понравилось.

Таня приняла комплимент с ещё одной благодарной улыбкой.

– Только, вы знаете, – сказала она, – я не совсем согласна с вашими словами о том, что поэт должен сгорать дотла в своих стихах.

– Так, так, – Александр Львович сделал глоток из своего бокала и жестом предложил то же сделать и гостям. – И какое твоё мнение?

– Мне кажется, надо разделять поэтическую и частную жизнь. Из каких бы сокровенных глубин ни исходили стихи, но это всё равно некая игра.

– Игра, – кивнул Низовцев, – игра.

– Это стилизация эмоций... Алхимия чувств... То есть, что я хочу сказать... Здесь всегда присутствует что-то искусственное. Хотя бы в плане формы и подачи.

– Да, да.

– Поэтому беззаветно класть себя на алтарь поэзии неправильно. Поэта воспринимают как самоубийцу. Вот он вступил на эту тропу, и с каждым шагом он себя убивает. У него обязательно должен быть трагический конец. Поэт, не умерший в молодости, не поэт. А я не хочу умирать! Я хочу прожить долгую и счастливую жизнь. Полную любви...

– Татьяна! – воскликнул Александр Львович. – Ты говоришь это так, будто я сейчас начну с тобой спорить, начну тебя переубеждать, стыдить даже. «Как ты можешь такое говорить! Да ты изменница поэзии!» И всё такое прочее. Но я не буду этого говорить, потому что полностью с тобой согласен. Даже больше скажу: ты затронула сейчас тему, которая всегда меня волновала. Постараюсь выразить её так: соответствие, а может и несоответствие, жизни художника его творчеству. Мы на днях разговаривали на схожую тему с моим издателем, Борисом Чивиным – знаете его, наверное. Но там всё несколько с другой точки рассматривалось. Он совсем уж радикальные взгляды высказывал, вплоть до отрицания искусства как такового.

– Очень странно от него такое слышать, – подал голос парень.

– С ним такое часто бывает, и вряд ли он сам верил в свои слова. Просто он провокатор по натуре и подбивает меня на разные нелепые суждения. Проблему, если посмотреть на неё с того угла, который задала нам Таня, можно истолковать примерно так. Вот мы видим писателя. Писатель, скажем, даёт интервью. Ведёт себя крайне экзальтированно – мимика, телодвижения, слова, всё выдаёт в нём его нечеловеческие страдания и жертвы, через которые он прошёл при написании своей книги. Вне всяких сомнений, этот человек положил себя на алтарь искусства. Причём целиком и бесповоротно – с этого алтаря его уже не сдвинешь. Но потом мы берём его книгу и начинаем читать. И видим: книга-то так себе! Нельзя сказать, что бездарная, но и выдающейся её не назовёшь. Средняя книга. Но писатель уже на алтаре, его самопожертвование уже не остановить! Он ходит по улицам с горящими глазами, бормочет себе что-то под нос. Болезнь, иначе и не скажешь, болезнь несоответствия между умениями и создан-

ной им о себе иллюзией! И всё бы ничего, мы могли бы проводить его улыбающимися взглядами, но писатель этот от своей болезни чахнет и умирает. Или, ещё того хуже, сам накладывает на себя руки. Сгорел, одним словом. А всё ради чего? Ради какого-то фантома, призрака. Иллюзии. Да, о нём напишут как о беззаветном мученике искусства, найдутся такие, кто назовёт его гением, причём совершенно незаслуженно, но стоила ли его жизнь, такая короткая, бессобытийная и, в общем-то, пустая всей этой экзальтированной бравады? Он уже на том свете, его не вернёшь. А что интересного он видел? Да ничего – он весь вышел в иллюзорные переживания. С таким пониманием, с таким видением творческой личности я, конечно, не могу согласиться. И ты абсолютно права, Таня, что не хочешь разделять эту участь. В жизни, какой бы сложной она ни была, всё-таки немало прелестей, и ещё неизвестно, можно ли на одну чашу с ними поставить прелести творчества. Мне почему-то кажется, что победа всегда будет за жизнью.

Вино потихоньку выпивалось.

– Теперь, Игорь, твои рассказы, – взял Александр Львович со стола несколько листов.

Пауза после этих слов получилась довольно длинной и была заполнена многочисленными улыбками и даже смешками девушек. Низовцев тоже улыбнулся.

– Ну что сказать, – начал он и снова задумался. – Похвально, похвально твоё стремление описывать жизнь во всех её проявлениях, в том числе и в таких. Я сам, как вы знаете, активно вставляю в свои произведения сцены секса и делаю это не только потому, что мне это нравится и хочется. Я преследую и более далёкую перспективу. Думаю, вы согласитесь со мной, что отношение к сексу у нас в стране какое-то... не такое, согласны?

Никто не возражал.

– Если выразить это отношение одним словом – то слово это будет «стыд». Причём под стыдом я понимаю, если хотите, мистическую составляющую этого понятия. Это то, что сдерживает нас от естественных и жизнерадостных проявлений, причём не только психологически. Вот мне скоро пятьдесят, молодой ещё, в общем-то, человек, хотя уже и не юноша, и в течение всей жизни я ощущаю в голове некую занозу, некую область пустоты, которая никак не позволяет мне выйти на тот уровень отношений с женщинами – я говорю сейчас об отношениях с женщинами, хотя у Игоря много и однополый любви, – который я мог бы назвать твёрдо удовлетворительным.

– Неужели у вас, – подала голос вторая девушка, высокая и худощавая, звали её Маргаритой, – не было отношений даже на «четвёрку»?

– Представь себе, нет. И думаю, я не одинок. Постоянно, даже в самых идеальных на первый взгляд моментах присутствует нечто, что в конечном счёте выворачивает всё наизнанку. У меня было немало женщин, но со всеми в конце концов приходилось расставаться. Причины были разные, но источник всех причин, как мне представляется сейчас, один – секс. Это не значит, что я не удовлетворял своих партнёрш, хотя наверняка были и неудовлетворённые, просто несовпадения в том, как мы понимали и пропускали через себя секс, рождали какие-то зазоры. Они углублялись, становились острее и в конце концов нам приходилось расставаться. С Еленой мы уже седьмой год. Она – самая идеальная из всех женщин, каких я только видел. Именно поэтому я с ней. Но! Но тем не менее эти зазоры, которые произрастают из секса, а если шире – из сексуального воспитания или его отсутствия, они не исчезли. Я сейчас не буду о них говорить, всё это очень лично, но они, поверьте, весьма меня угнетают. Вот потому я и пишу как можно больше о сексе, чтобы мои читатели, а может и я сам, отучились бы постепенно воспринимать его как нечто из ряда вон выходящее.

– Секса должно быть много, – сказал Игорь.

– Правильно! – подтвердил Низовцев. – Секса должно быть много, он должен быть везде и повсюду – вот тогда тот запретный тотем, который накладывают на нас с рождения, быть может, и спадёт.

– Но ведь это аморальщина, – снова вмешалась Рита. – Не подумайте, что я с вами не согласна, просто я пытаюсь предугадать возражения ваших оппонентов.

– Мои оппоненты заведомо не правы. Действительно, поначалу это воспринимается как аморальщина. Даже я в своё время считал так. Но задумайся, откуда берётся это понятие – «аморальность»? Оно – прямое производное от того самого Великого Стыда, который гнездится в нашем сознании. Именно он рождает такое отношение.

– Но всё-таки должны быть какие-то возрастные ограничения, – подала голос поэтесса Таня. – Нельзя же ребёнку показывать порнофильм.

– Не должно быть никаких ограничений! Именно ребёнку и надо показывать порнофильмы! Но только без насилия. А ещё лучше для ребёнка будет, если его папа и мама, не стесняясь, станут заниматься при нём любовью. Вот тогда он убедится, что секс – это хорошо, что в нём только позитив, и что только через него мужчина и женщина обретают гармонию. А когда родители запираются от малыша на ключ, стесняются при нём даже обнимать друг друга – ничего положительного он из этого не вынесет. Вот тогда-то и зародится в его голове тот самый стыд, который зародился в своё время у меня, и от которого я до сих пор не могу избавиться.

Ребята молчали. То ли нечего было возразить, то ли стыд мешал.

– А теперь собственно о рассказах, – продолжил Александр Львович. – В том контексте, о котором я сейчас говорил, рассказы твои, Игорь, очень хорошие. Они честные, раскрепощённые, в них нет ни капли стыдливости. Но что касается сюжетов и особенно языка – здесь есть что покритиковать. Очень много ляпов, Игорь, очень много! Надо тебе поработать над стилистическими оборотами. Сюжеты. Сюжеты мне показались несколько сентиментальными и слащавыми. Может быть, это моё субъективное мнение, сам я тяготею к более жёсткой прозе, но слишком уж как-то всё у тебя эмоционально. И разговоры, и поступки. Больше всего мне понравился рассказ, – он стал искать в пачке нужный, – вот этот. Рассказ об однополый любви, «Кузены». Без дураков понравился. Немного подчистить – и можно будет пробить его в печать.

Игорь, улыбчивый, спортивный блондин, который с каждым критическим замечанием в свой адрес сжимался и грустнел, с последними словами расправил плечи и посветлел.

– Об этом я, кстати, скажу ещё. О том, будут ли ваши вещи печататься, а если будут, то где и как. А сейчас перейдём к нашей бесподобной Рите, – оставшиеся в его руках листы, по всей видимости, составляли её произведение. – Повесть «Жёлтый камень и серые тени». Образно выражаясь, это победитель нашего хит-парада. Повесть выдающаяся, не побоюсь этого слова. На меня она произвела отпадное впечатление.

– Спасибо, – скромно молвила Рита.

– Сколько я ни старался, не обнаружил в ней ни одного слабого момента. Подчёркиваю, ни одного! Повесть просто идеальна: язык – изумительный язык, диалоги – отменные диалоги. А сюжет! Вроде бы простенький поначалу, а во что развивается! А форма! Кроме всего прочего, это очень женское произведение. Но оно будет интересно всем: и женщинам, и мужчинам, и тупым, и умным. Эта повесть, Маргарита, клятвенно тебе обещаю, будет опубликована! Пошуршу в журналах, но журналы, как вы знаете, я не очень люблю. Да и меня там не очень любят, поэтому вероятнее её появление в книге. Отдельным изданием вряд ли, всё-таки повесть небольшая, а вот в альманахе – запросто. В издательстве «Нимб» сейчас готовят к выпуску серию молодых современных авторов и я у них приглашённый редактор. Возможно, для одной из книг буду отбирать материал только я. Но произойдёт это или нет, я с Игорем вас обязательно пробью. Возможно, даже под одной обложкой появитесь.

Последняя фраза имела претензию на двусмысленную шутку, поэтому все улыбнулись.

– Теперь насчёт тебя, Татьяна, – повернулся он к Тане. – Стихи с одной стороны пробивать сложнее, а с другой легче. По крайней мере, не так сложно выпустить отдельную книгу. В том же «Нимбе» и современных поэтов собираются издавать, так что, я думаю, получится у тебя книжка. Небольшая, но получится. В любом случае, я своих никогда не бросал.

Глава третья

Старые, поблекшие и кое-где заштопанные шторы были плотно задёрнуты. Лишь по полосе света над гардиной можно было определить, что начался день и что день этот солнечный. В однокомнатной квартире с трескучими полами и облезлыми обоями, которые так и норовили отклеиться, спали трое. Разнообразием мебелировки квартира не блистала: старый платяной шкаф, ещё более старое трюмо с помутневшим от времени зеркалом, два стула, чёрно-белый телевизор и металлическая кровать, пружины которой безбожно скрипели не только при каждом движении, но и при каждом вздохе. На ней лежала Ольга. Сон почти покидал её. Она открывала глаза, щурясь, переводила их с потолка на стену и снова закрывала.

Марина с Колей спали на полу. Матрас был тонким, как бумага, полноценного одеяла для них не нашлось – они укрылись рваным пододеяльником. В квартире было жарко, Коля отчаянно потел. Марина спала, прижавшись к нему и обвив рукой талию. Оба сопели. Два ручейка слюны стекали по их подбородкам.

Ольга всё больше ворочалась. Лежать надоедало. Наконец она поднялась, слезла с кровати и направилась в туалет.

От скрипа пружин проснулась и дочь. Вставать, однако, она не торопилась.

– Сколько время? – спросила у вернувшейся в зал матери.

– Десять, – отозвалась Ольга. – Поднимайтесь.

– Коля спит ещё.

– Буди его.

– Да пусть поспит.

– Я убираться сегодня хотела.

– Сегодня не суббота.

– В субботу дела будут. Сегодня надо.

Ольга распахнула шторы. Квартиру залил солнечный свет.

– А я слышала, – бормотнула Марина, – как он к тебе ночью залезал.

– Чё ты выдумываешь?! – отозвалась мать.

– Слышала, слышала. Шум такой стоял – невозможно было не услышать.

– Это я ворочалась во сне.

– Ничего подобного. Вы потом на кухню пошли трахаться, чтобы меня не будить.

– Тебе это приснилось.

– Знаешь что, мамочка, – заявила Марина. – Ты его не трогай. Он – мой муж!

– Заткнись!.. – врезала ей затрещину Ольга. – Как с матерью разговариваешь?!

– А-а-а... – заскулила Марина. – Сука!

– Поговори у меня! – выдала Ольга очередную затрещину. – Я тебя придушу на хер!

– Не буду, не буду, – закрылась руками Марина.

Ольга ушла в кухню.

– Я тебя, идиотку, и так рожать не хотела, – доносился оттуда её голос, – так что я долго думать не стану. Чуть набычишься – и всё.

– Хотя бы ты быстрее на работу вышла... – прошептала Марина.

Коля постепенно размыкал ото сна веки. Пробуждение было долгим и мучительным. Обычно, ночуя на улице, он пробуждался в одно мгновение, да и сам сон был неглубок. Здесь же, в тепле, тело расслабилось. Такого крепкого сна он не знал давно. Разноцветные пятна плясали перед взором, чудное ощущение раздвоенности не покидало сознание и ему никак не удавалось вырваться из приятного и бестревожного забытья.

– С добрым утром! – приветствовала его Старая Сука. – Как спалось?

– Отлично, – ответил он.

– Вот и славно.

– О, Коля проснулся! – обрадовалась Марина. – Как спалось?

– Хорошо. Давно так не спал.

– Доброе утро! – кричала с кухни Ольга. – Завтрак почти готов, скоро позову.

Коля поднялся на ноги. Голова была тяжёлой, тело слабым и вялым. Ноги едва держали. Хотелось есть.

– Ты всю ночь пердел, – сообщила Марина, едва он вышел из туалета. – Я отворачиваться заколебалась.

– Ты тоже, – только и нашёл, что ответить он.

– Не ври!

– Точно говорю.

– Я во сне не пержу.

– Я лучше знаю.

– А, ну тебя! – отвернулась Марина.

Из-за двери доносилось мяуканье и царапанье.

– Впустите кошку! – крикнула Ольга.

Марина бросилась к двери.

– Машка, Машка! – взяла она на руки облезлую рыжую кошку. – Кушать хочет. Мам, она кушать хочет!

Марина отнесла её на кухню, где Ольга налила ей в блюдце молоко. Голодная кошка жадно припала к нему.

Коля одевался. Одежду ещё вчера ему выделили новую. Новую относительно – это были подержанные брюки и рубашка, неизвестно как и от кого оставшиеся в этом доме. Вещи вполне подходили по размеру и что самое главное – оказались крепкими и чистыми. Коля испытывал настоящее блаженство, одевая их. Старое его тряпье Ольга замочила.

– Не знаю, отстирается ли, – сказала она. – Да и зашивать много придётся. Вряд ли ты это снова наденешь, ну да ладно.

– Ты, Коль, солидным становишься, – глядела на него Старая Сука. – Никогда тебя таким не видела.

Коля действительно выглядел странно. Промытые волосы, чистое лицо, свежая одежда – он ловил своё отражение в зеркале и безмолвно удивлялся.

– Тебе не нравится? – спросил он старуху.

– Что ты, что ты! – замахала та руками. – Я очень рада. Всегда приятно видеть своего любимого красивым и опрятным. Просто мне грустно немного.

– Почему?

– В твоей жизни появились другие женщины. Меня это печалит.

– Не расстраивайся, – проснулась в нём секундная жалость к старухе. – Я от тебя не уйду. Старая Сука захихикала.

– Ещё бы ты от меня ушёл! – сверкала она редкими зубами. – Разве я тебя отпущу?!

Жалость тотчас же улетучилась. Коля захотел сказать ей что-то резкое, но побоялся её мести.

– Я думаю, мы сможем жить все вместе, – дипломатично высказался он. – Вы не помешаете друг другу.

– Не знаю, не знаю, – качала головой старуха. – Ты не хочешь меня больше.

– Почему ты так решила?

– Раньше ты был со мной нежный, даже звал, если меня не оказывалось поблизости. Я ласкала тебя, нам было хорошо вдвоём. А сейчас ты даже в мыслях стараешься отогнать меня от себя.

– Неправда!

– Правда, правда. От меня ничего не скроешь.

– Ну и хрен с тобой! – не выдержал Коля. – Достала ты меня уже!

Старая Сука поморщилась.

– Не груби, Николай! Только я могу придти тебе на помощь, когда все тебя бросят. Только я буду рядом с тобой. Не отталкивай меня и не зли. Это плохо кончится.

Из кухни выскочила Марина.

– Коля! – позвала она. – Ты любишь кошек?

– Нет.

– Почему?

– Не знаю. Не люблю, и всё.

– Зря. А я обожаю. Классная у нас кошка, да! – показала она на животное, что свернулось калачиком у неё на руках. – Вы ещё не знакомы? Знакомься, Машка, это – Коля. А это – Маша. Она девочка, так что не обижай её.

– Обязательно обижу, – сказал Коля.

– Фу, – надулась Марина, – какой ты гадкий.

Коля взял лежавшую на телевизоре газету с программой и пробежался по ней глазами. Телевизор он не смотрел давно, с самого детского дома. Название передач ничего ему не говорило.

– Иди-ка, Машка, погуляй, – отпустила Марина кошку.

С хитрым выражением лица она подошла к Коле.

– А я знаю, чем вы ночью с мамашкой занимались.

Коля нехотя перевёл на неё глаза.

– Чем?

– Трахались!

– Тебе приснилось.

– Ладно, ты-то уж не ври. Я же всё видела и слышала.

Коля пожал плечами.

– Ну и что из этого?

– Она тебе нравится?

– Нет.

Марина ободрилась.

– А я?

– И ты нет.

– Ну вот, – погрустнела она тут же. – А кто из нас лучше?

– Обе вы одинаковые. Обе суки.

Марина обняла его за талию.

– Коль, я ведь не против, если тебе с ней хочется. Я всё-таки ещё маленькая, у меня всё маленькое, а тебе наверно нравится, чтобы побольше, как у неё.

– Не нравится, не волнуйся.

– Не нравится?! Здорово! А у меня?

– Нет, не нравится.

– Вот ты какой... Я знаю, ты назло это говоришь. Так не может быть, чтобы вообще ничего не нравилось.

– Может.

– Коль, скажи, что я важнее для тебя, чем она. Что я твоя жена, а не эта овца.

Какое-то время Коля молчал.

– Ты моя жена, – сказал он наконец.

– Ура! – запрыгала Марина. – Я тебя люблю!

Ольга позвала всех на кухню. Завтрак был готов.

Он состоял из одной большой яичницы, приготовленной из пяти яиц и хлеба. Яичницу слопали быстро. Девушки старались, чтобы Коле досталось побольше – ему и досталось больше. Потом пили чай. У Ольги даже нашлось варенье – какое-то древнее и испорченное, но никто от него не отказался. Ольга ела его с ложечки, а Марина с Колей намазывали на кусок.

– Скоро тебе на работу? – заглядывала матери в глаза Марина.

– Неделя ещё.

– У-у, так мало!

– Да, ещё бы отдохнуть.

– Мама у нас торгашка, – объяснила Марина. – На рынке стоит.

Ольга обиделась на её слова.

– Думаешь, из тебя что-то путное получится?

– Получится, – говорила обмазанная вареньем Марина. – Я балериной стану.

– Кому ты на хер нужна?!

– Я объявление видела. Набирают девочек в кружок балерин.

– Туда совсем маленьких девочек берут, а не таких кобыл, как ты.

– Не, меня возьмут.

Коля ел молча.

– Вот Коле бы ещё на работу устроиться, – сказала Ольга, наливая ему чай.

– Да, деньги бы зарабатывал, – согласилась Марина. – Мне бы подарки покупал.

– Какие тебе подарки, дура! – продолжала злиться на неё мать. – Жить не на что, а ты подарки.

– Не, Коля обязательно мне подарок купит, – сказала Марина. – Он меня любит.

Коля допил чай, поставил чашку в раковину и, секунду подумав, решил её помыть.

– Оставь, оставь, – махнула рукой Ольга. – Я сама.

Он оставил.

В зале, оставшись один, Коля пристально и с неким подозрением оглядел комнату. Квартира не казалась гостеприимной. Лёгкая, но весьма жгучая грусть опустилась вдруг на плечи. Старая Сука тоже усугубляла ситуацию – стояла у окна и, покачивая головой, нехорошо поглядывала на него, словно говоря: «Не приживёшься ты здесь...»

Девушки заканчивали завтрак.

– Я пройду, – сказал им Коля, надевая в прихожей ботинки.

– Ты на улицу? – спросила Ольга.

– Да.

– Ну ладно, прогуляйся. Подожди, подожди! – поглядела она на его обувь. – Не надевай эти. Я найду тебе что-нибудь.

Она забрала у него ботинки, дырявое месиво кожи вперемежку с засохшей грязью и, распахнув темнушку в коридоре, принялась искать в куче барахла приличную обувь.

– Вот смотри, – достала Ольга две пары обуви. – Сандалии хорошие, крепкие ещё. Или вот кеды одевай мои.

– Кеды одену, – выбрал Коля.

– А сандалии что?

– Не, – сморщился он.

– Летом очень хорошо. Ноги дышат, не жарко.

– Кеды.

Кеды пришлись впору.

Владивосток наслаждался летом. Температура воздуха составляла не менее двадцати пяти градусов. Люди выглядели вполне дружелюбно и совсем не косились на Колю, как это обычно бывало раньше. Его это взбодрило.

Он выбрался из района серых пятиэтажек на ближайший проспект. Проспект шумел автомобилями, движение было плотным, и этот шум почему-то заставил его улыбнуться. С каждой секундой ему нравилось здесь всё больше: и машины, и люди, которых он всегда предпочитал сторониться, не являлись сейчас угрозой для него, он был одним из них – такой же серый, неприметный.

– Не подскажите, сколько время? – решил он вдруг на отчаянный для себя шаг, подступив к какой-то женщине.

Она не отпрянула, не скривила лицо в гримасе, не прикрыла нос от неприятных запахов – просто взглянула на свои часы и ответила:

– Без двадцати двенадцать.

– Спасибо, – поблагодарил Коля и Наверное даже покраснел от тех эмоций, что нахлынули на него в это мгновение. Такая естественность общения была для него дика, но оказалась вдруг необычайно приятна.

– Врёт баба, – поморщилась Старая Сука. – По моим уже без десяти.

– Её часы точнее, – сказал Коля.

– С какого хрена?

– Просто точнее, и всё.

– Ты это брось, – усмехнулась старуха. – Точнее моих часов ничего быть не может. Я ими мерю не только время.

Коля не стал с ней спорить.

– Да и вообще, – продолжала Старая Сука, – чё это ты у людей время начал спрашивать? В друзья им что ли набиваешься?

– Они совсем не злые сегодня.

– Притворяются!

– Нет, не притворяются. Видишь, они даже не смеются надо мной. Они думают, что я такой же, как все.

Лицо Старой Суки выражало полное и всеобъемлющее негодование.

– Э-эх, Коля! Да ты никак готов поступиться своими принципами?! Пойти на сговор, продать свои идеалы!

– Они не агрессивны. Почему я должен их ненавидеть?

– Должен! Должен! Разве я не говорила тебе, что люди – самые гнусные притворщики на свете. Они могут казаться добрыми, отзывчивыми, но всё это – ложь! В них нет ни капли добра. Они злы и вероломны, они пытаются казаться вежливыми лишь для того, чтобы успокоить тебя, сбить с толку. Ты расслабишься, будешь считать их своими друзьями, но в один прекрасный момент они проявят свою истинную сущность и сожрут тебя. Ты хочешь, чтобы они тебя сожрали?

Коля морщился от её слов.

– Какая ты всё-таки гадкая, – сказал он старухе. – Впервые за долгое время мне стало хорошо, а ты готова всё испортить.

– Да откуда тебе хорошо, с чего? Какая-то бабёнка, видите ли, брякнула сколько время, а ты готов сопли распустить от счастья. Да, я гадкая, но это для того, чтобы спасти тебя, Николай. Поверь моему слову, люди ещё не раз заставят тебя разочароваться.

Коля не отвечал. Продуктовый магазин, рядом с которым он находился сейчас, впускал и выпускал вереницы людей. У Коли не было денег, но его тянуло внутрь. На входной двери он прочёл объявление: «Требуется уборщицы, грузчики». Сердце яростно сжалось, едва он вчи-

тался в эти слова. Его даже кинуло в жар – дверь открылась, он вошёл внутрь и на негнувшихся ногах подошёл к прилавку.

– Дурачок... – бормотала где-то за спиной старуха. – Думает, его на работу возьмут.

– Вам грузчики нужны? – заплетающимся языком спросил он у продавщицы.

Та недоумённо посмотрела на него.

– Грузчики? Не знаю. Наверно нужны. Но это вам к директору надо.

Коля огляделся по сторонам.

– А где директор?

– Вон туда пройдите, – показала продавщица. – В подсобное помещение. Там табличку увидите на двери.

В коридор подсобного помещения Коля заходил с чувством, что его вот-вот схватят и вышвырнут, но никто его не остановил. Коридор показался ему длинным и извилистым, дверь с табличкой «Директор» обнаружилась в самом его конце. Коля приблизился к ней, усилием воли поднял руку и заставил себя постучаться.

– Войдите! – донеслось из-за неё.

Коля потянул на себя ручку, но дверь не открывалась. Он дёрнул сильнее – никакого результата.

– Внутри открывается, придурок! – ржала Старая Сука.

Дверь открылась наконец. Директором оказалась женщина средних лет с осветлёнными волосами и в очках.

– Здрасьте, – буркнул Коля.

– Здравствуйте, – ответила женщина. – По какому вопросу?

– Я насчёт работы, – вырывались из Колиной груди хрипы.

– Грузчиком?

– Да, – закивал он.

– Ну присаживайтесь, поговорим.

Коля уселся на обитый потёртой кожей стул и, сжавшись, стал ждать вопросов.

– Где вы раньше работали? – спросила директор.

– Я не работал, – замотал головой Коля. – Я ещё маленький.

– Маленький? – улыбнулась она. – А сколько вам лет?

Лихорадочно Коля стал вспоминать свой возраст.

– Двадцать, – буркнул он наконец, хотя и не был уверен в правильности.

– После армии?

– Нет.

– Учитесь?

– Нет, что вы.

– Документы есть какие-нибудь?

– У меня есть паспорт! – гордо ответил Коля, но тут же застеснялся своей гордости.

– Давайте, посмотрим.

– Я не взял его, – смутился Коля.

– Ну, что ж вы так! Пришли на работу устраиваться, а паспорт не взяли.

– Я принесу. Сбегаю сейчас.

Женщина пристально и задумчиво поглядела на Колю.

– Знаете что, – сказала она. – Как-то боязно вас брать. Взгляд у вас странный.

Коля опустил глаза.

– Я вам вот что посоветую, – продолжала директор. – Здесь недалеко, на краю города, строят коттеджи. Там нужны рабочие. Вы попробуйте туда обратиться, наверняка вас возьмут.

Коля молчал.

– Там и платят больше. А к нам... – помолчала она. – Ну, если туда не возьмут, зайдите и к нам. Только паспорт не забудьте.

– Ну что, доволен? – говорила ему Старая Сука, когда Коля, вспотевший и подрагивающий, сел на металлическую ограду у дороги, чтобы отдышаться. – Это же люди, Коля! Люди! Разве они пойдут тебе навстречу, разве протянут руку помощи?

Сердцебиение постепенно восстанавливалось.

– Где эти коттеджи, ты знаешь? – спросил он у старухи.

– Какие коттеджи, Николай!? – возмутилась она. – Ты что, ещё раз попробовать хочешь?

– Да, надо попробовать, – ответил Коля.

– Да ты с дуба рухнул! Хочешь, чтобы тебя ещё раз унизили?

Коля ей не отвечал.

– Мне паспорт нужен! – выпалил он Ольге, едва переступив порог. – Куда ты вещи уби-
рала?

– Сейчас, сейчас, – засуетилась та. – Паспорт специально в шкаф спрятала.

– Коля, купил мне подарок? – крикнула с кровати Марина.

– Вот, – принесла Ольга паспорт. – Что, на работу берут?

– Нет, – покачал он головой. – Без паспорта не берут.

– А куда ты хочешь?

– В одно место.

– Хорошо там платят?

– Не знаю.

Коттеджи он нашёл быстро. По дороге заглянул в паспорт и по дате рождения подсчитал свой возраст. Оказалось, что ему уже двадцать два. Паспорт выглядел очень непрезентабельно – помятый, грязный. Коле вдруг стало совестно, что его единственный документ выглядит так некрасиво.

Работа на коттеджах кипела. Их строилось штук десять одновременно. У одного из рабочих Коля спросил, с кем можно поговорить насчёт трудоустройства. Его направили к усатому мужику в костюме и галстук, который, прищурившись, критически обзирал строительство.

– Извините, – подошёл он к мужчине. – Мне сказали, вы на работу можете принять.

– Могу, – растянулся в зубастой улыбке мужчина. – А могу и не принять. Работать хочешь?

– Да, очень.

– Какая специальность у тебя?

– У меня нет специальности, – ответил Коля, холодея.

– Ну, это только разнорабочим тогда.

– Разнорабочим, – закивал Коля.

– Где раньше работал?

Новая волна паники охватила парня.

– С рыбаками, – соврал он. – Но я там не числился.

– Понятно, – кивнул мужчина. – Документы есть какие?

– Да, паспорт.

Начальник взял из кожных подрагивающих рук документ, небрежно полистал его и отдал обратно.

– Здесь ты тоже числиться не будешь, – сообщил Коле, – поэтому если кто подойдёт, спросит – ты здесь так, в гости пришёл. Понятно?

– Вы берёте меня? – изумлёнными глазами смотрел на него Коля.

– Беру! – рассмеялся начальник. – Сегодня что у нас, понедельник? Ну, значит, завтра, к восьми часам приходи. Одежду найди какую-нибудь соответствующую, мы спецовок

не выдаём. Зарплата на первое время четыре тысячи, потом посмотрим. Сейчас я тебя с бригадиром познакомлю. Юра! – крикнул он одному из копошившихся у фундамента рабочих. – Подойди сюда на минуту!

Юра, коренастый, широколицый мужик, зашагал к ним.

– Видишь его?

– Да, – кивнул Коля.

– Вот он будет твоим непосредственным начальником. Где он завтра будет, туда и иди. Он тебе работу даст.

На обратном пути Коля нашёл рубль и купил стакан семечек. В довершении счастливого дня он украл в книжном магазине весьма толстую книгу, стоила которая аж шестьдесят три рубля. Такого восторга одновременно он ещё не испытывал.

– Вот видишь, – говорил он Старой Суке, – как всё удачно сложилось! Теперь у меня свои деньги будут... Чёрт возьми, даже не верится!

– Ловушка, – отвечала старуха. – Очередная ловушка! Ты ещё не работал и не знаешь, что это такое. А я тебе скажу – это каторга!

– Я не боюсь работы.

– Скоро ты не то запоёшь, поверь мне. Да и с чего ты решил, что они тебе заплатят? Будешь на них горбатиться, а они потом вышвырнут тебя, да ещё вломят как следует!

– Зачем им так делать? К тому же я не один там буду работать.

– Им может и заплатят, а тебе нет. Как ты не понимаешь, ведь они все сговорились, чтобы уничтожить тебя! Они тебя ненавидят.

Четвёртая глава

– Коньячок?

– Ну давай.

Валера поставил стаканы на стол и разлил.

– Твоё здоровье!

– Нет, лучше за твоё, – возразил Низовцев. – У тебя событие такое!

– Да какое событие, – поморщился Валерий.

– Ну как же!

– А-а. Знаешь, честно говоря, ничего не чувствую по этому поводу. Сколько уж этих выставок было – весь трепет ушёл.

Лампочка в подсобке едва светила, поэтому бородатое лицо художника казалось совершенно жёлтым и почти безжизненным, как у мумии. Если бы не движения глаз и рта, его бы смело можно было класть в мавзолей. Такое же лицо было, должно быть, и у самого Александра Львовича.

– Хотя и первые выставки, – продолжал Валерий, – очень хорошо я это помню, тоже не особо волнительными были. А знаешь почему?

– Почему?

– Потому что через столько дерьма проходишь, чтобы эту выставку организовать, через такую нервотрёпку, что когда она наконец открывается, уже никаких эмоций не остаётся.

Они выпили.

– Я вообще, бывает, смотрю на себя со стороны, точнее сказать, пытаюсь смотреть, и думаю – какой же фигнёй я занимаюсь! Люди работают, деньги делают, а я картины малюю!

– Ты тоже на них деньги делаешь.

– Да-а. Это ведь... игры всё. Просто приучили какую-то часть людей тратить деньги на живопись, вот они и тратят. А так я сомневаюсь, что они понимают, что я там рисую.

– Эта часть правит миром. А мы правим ими. Поэтому мы были, есть и будем главными на этой планете.

Валера усмехнулся.

– Мне бы твой оптимизм.

Он плеснул в стаканы – совсем немного. Сейчас Валерий держал себя в руках. Ещё несколько лет назад он бухал по чёрному и про него говорили, что всё, мол, вышел человек. Через год-другой копыта откинет. Но Валера оказался живучим. Сумел укротить свою тягу к алкоголю, снова взялся за кисть и слыл сейчас, по крайней мере, в Петербурге, одним из ведущих художников.

– Значит, герой твой и мать валяет, и дочку! – продолжил Валерий разговор.

– Да, – кивнул Низовцев.

– Сильно! У меня в жизни случай был – жил пару месяцев с двумя бабами.

– Тоже мать с дочерью?

– Нет, они сёстрами были. Одна – совсем молодая. Несовершеннолетняя. Интересные девки. Раскрепощённые. И с каждой по отдельности можно было, и с двумя сразу.

– Завидую.

– Но налёт у меня какой-то неприятный остался от всего этого.

– Почему?

– Да потому что доброжелатели всякие нашёптывали мне: всё, Валера, посадят тебя за совращение малолетней. Мне в принципе насрать на них, но на подкорку это всё равно действовало. Хотя посудить если – кому какое дело? Девка половозрелая, хочет и может,

не со мной, так с другими бы стала. Ну да я и сам себя не совсем правильно вёл с ними. Нервный был очень.

– Сейчас спокойнее?

– Да уж думаю.

Снаружи доносился шум. Время от времени кто-то проходил по коридору мимо подсобки. Выставочный зал должен был открыться с минуты на минуту.

– Немного покритиковать я тебя хочу, – сказал Валерий.

– Валяй.

– Слишком быстро он у тебя на работу устраивается.

– Не могу принять твою критику, – покачал головой Александр Львович. – В такие места именно так и устраиваются.

– Я вот, помню, сторожем устраивался, обычным сторожем – боже мой, сколько усилий понадобилось!

– Ну ты ведь в библиотечный фонд устраивался. А если бы на арматурный завод – сразу бы приняли.

– Сомневаюсь. И на арматурный завод тяжело устроиться.

– Интеллигентам – да, тяжело.

– Ну а направленность идеи?

– Что с ней?

– Твой герой пытается ассимилироваться в обществе. Ближе к людям, больше понимания – хоть и чернушный, но позитив получается. Но меня вот, например, этот позитив не очень радует. И как-то даже Старая Сука симпатичнее смотрится. Про людей когда говорит, про опасность, которая в них таится. Её слова нашли в моей душе определённый отклик.

– Просто ты старый мизантроп. Да и не так тут всё буквально. Позитив – это явно преувеличено, хотя иногда он необходим. В произведении нельзя выражать какие-то односторонние, конкретные идеи. Всё должно быть достаточно двусмысленно.

– Не уверен, что я почувствовал эту двусмысленность.

– Она есть, потому что я сам очень двусмысленный человек. И могу выражать только комплексные эмоции и идеи.

– Ну хорошо. А вот, скажем, почему как-то очень уж просто твоего Колю принимают в эту семью. Раз, и всё! Разве в жизни так бывает?

– Не мне тебя учить, что нельзя путать художественное произведение с жизнью.

– Нельзя, согласен. Но когда это так явно в глаза бросается, то волей-неволей задумываешься о правдоподобности событий.

– Ты прав, логику в повествовании надо выдерживать всегда. Нельзя нагромождать неразумные и немотивированные изменения. Даже если пишешь фантасмагорию, необходимо внушить читателю определённые правила игры.

– Какие же правила игры в твоём романе?

– Они очень просты. Читатель смотрит на мир глазами главного героя, который, мягко говоря, не совсем нормальное существо. Поэтому все странности, которые возникают в повествовании – они не ради странностей как таковых, они – преломление Колиного восприятия мира. Ну и потом надо выдерживать определённый стиль. Простота, с которой Коля входит в семью – это простота его восприятия, и это стиль. Простота, с которой он устраивается на работу – хотя никакой простоты тут конечно нет, и именно эта сцена самая что ни на есть правдоподобная – это тоже стиль. На то это и художественное произведение, на то это и вымысел.

– Но из-за этого твоего стиля может возникнуть коррозия в сюжете.

– Я не из тех писателей, которые ради стиля готовы наплевать на сюжет. Я всегда верил и верю, что сюжет – самое главное. Никакими стилистическими и морфологическими наво-

ротами не добиться желаемого результата, если в произведении дохлый сюжет. Стилль всегда вторичен, он сам собой должен проистекать из сюжетных коллизий. Какого-то чересчур уж необычного стилия повествования в моём романе нет, есть лишь естественная стилистико-психологическая реакция на поступки героев. А коррозия, о которой ты упомянул – очень, кстати, хорошее слово – она присутствует постоянно и во всех без исключения произведениях. Коррозия – это и есть сущность художественного вымысла. Потому что художественный вымысел сам по себе – это надругательство над жизнью. Это её осмеяние и возвышение над ней. В такой деятельности обязательно будут присутствовать ущербные моменты, потому что на них всё и строится.

В дверь подсобки постучали.

– Кто там? – зычно крикнул Валера.

– Валерий Ильич, – донёсся женский голос, – вы здесь?

Художник открыл дверь. Администратор Надя, худенькая девушка в очках, показалась в проёме.

– Валерий Ильич, уже пора открываться!

– Хорошо, идём, – кивнул он.

Низовцев поднялся со стула.

– Надя, – сказал девушке Валера. – Ты спрячь пока бутылку куда-нибудь. И стаканы тоже. Потом вприснем ещё.

Девушка недовольно приняла из рук художника питейные аксессуары и понесла их куда-то вдаль по коридору. Валерий с Александром Львовичем выбрались в выставочный зал. Все его стены были увешаны Валериными картинами. Директор художественной галереи, женщина лет пятидесяти, встретила их восторженно-патетическим взглядом и возгласом:

– Валерий Ильич, открываемся! Слышите шаги – первые посетители!

– Ну что же, – буркнул художник. – С богом!

– К чёрту! – прикоснулась к его плечу директриса. – Ой-ой-ой, – тут же закачала головой. – Какое к чёрту! Так говорят, когда ни пуха ни пера.

Мужчины попытались улыбнуться.

– Вот видите, Валерий Ильич, – сморщилась директриса. – Волнуюсь!

– Смотри, Саш, – показал художник в центр зала, где на постаментах стояли невысокие и бесформенные скульптуры. – Решил выставить. В первый раз.

– Да что ты!

– Да. Так, для себя лепил. Никогда не думал показывать. Но уговорили. Да и сам подумал – дай-ка попробую. Посмотрю на реакцию. Не убьют же за это.

– Правильно.

Первые и весьма немногочисленные посетители робко зашуршали по пространствам выставочного зала. Одной из них оказалась жена Валерия Ильича. Низовцев знал её слабо, помнил только, что она румынка по национальности. Имя её память выдавать отказывалась.

– Здравствуй, дорогой! – приветствовала она супруга поцелуем. Говорила без акцента. – Как настроение?

– Нормально, – пожал плечами Валера.

– О, Саша! – повернулась она к Александру Львовичу. – Когда приехал?

Они тоже поцеловались.

– Рано утром, – ответил Низовцев.

– Поездом?

– Да.

– А жену что не взял?

– Работы много.

Насколько Александр Львович помнил, она была богатой бабой. Владела несколькими ресторанами в Румынии и в Петербурге. Именно благодаря женитьбе на ней Валерий Ильич получил настоящую известность.

– Что-то не очень много людей, – обводила румынка глазами зал.

– Ну и замечательно, – сказал Валера. – Значит, пришли те, кому действительно интересно.

– Или те, кто решил укрыться от дождя, – парировала жена.

– Дождь идёт?

– Да, начинается.

Некоторые из посетителей стряхивали с головы и одежды капли влаги. Александр Львович отошёл к картинам. Валерий был абстракционистом, и картины представляли собой разнообразно-изошрённые цветовые гаммы вперемежку с геометрическими фигурами. На Низовцева, который живопись не особо понимал, да и не стремился казаться понимающим, они, тем не менее, определённое впечатление производили.

– И с поздравлениями никого нет, – доносился до него голос румынки. – Обычно цветы дарят, руку жмут.

– Не надо мне цветов, – отвечал художник.

– И телевидение не подумали пригласить... Я же говорила тебе – давай позвоню. Нет, нет, не надо.

– Не надо.

С цветами, однако, кто-то появился. Мужчина и женщина, явно знакомые Валерия, бурно и торжественно, чем привлекли внимание всех собравшихся, вручили ему букет и устные поздравления. Валерий хоть и хмурился, но был явно польщён. Жена – та и вовсе расцвела.

– Нравятся картины? – спросил у Александра Львовича кто-то за спиной.

– Да, представьте себе, – обернувшись, ответил он.

Мужчина, стоявший сзади, был небольшого роста, седовлас и в очках. Смотрел на Низовцева с хитрой улыбкой.

– Мне тоже, – сказал он. – Я большой поклонник Федотова. На всех выставках его бывал. Писал о нём не раз...

– В газете работаете?

– Нет, в журнале. Я и вас знаю. Вы – Низовцев, писатель.

– Обо мне не писали? – улыбнулся Александр Львович.

– Да нет, не приходилось. Я на живописи специализируюсь. Но читать – читал.

– И что скажете?

– По мне – чересчур резковато. Слишком много обострений. Буквально в каждой сцене своя дикая кульминация. Вряд ли они так необходимы. Да и с читателем не совсем тактично обходитесь. Всё бы вам шокировать, всё бы вам уколоть.

– Готовлю людей к худшему.

– К смерти?

– Смерть – не самое худшее, что может с ними произойти.

– А-а, – ласково усмехнулся мужчина. – Понимаю. Не можете вы без этого. Мозговые спазмы, структурные извращения. Человек – не то, что он есть на самом деле. Реальность – не явь, реальность – тень. Существование недоказуемо, возможно его нет вовсе. Открывающий дверцы выпускает сгустки. Они аморфны и производны от трёхкратного усиления сокровенных вожделений. Ну а вожделяют во Вселенной только мёртвые... Верно я передал ход суждений среднестатистической творческой личности?

– Абсолютно.

– Вот видите. Всё поддаётся исчислению и фиксированию. На всё надевается конус.

Мужчина добродушно и удовлетворённо улыбался своим мыслям.

– Ну хорошо, – молвил он наконец, обнимая Александра Львовича за талию. – Не буду вам мешать в ваших удовольствиях.

– И вам приятно провести время.

Валерий Ильич с другого конца зала подавал знаки. Сводились они к следующему: не выпить ли ещё. Низовцев не возражал. Они удалились в коридоры подсобных помещений, где в комнате администратора Нади, которую тоже привлекли в компанию, разлили ещё по несколько граммов коньяка.

– Жена конфеты оставила, – открывал коробку Валера. – Угощайся, Надь, мы ведь с Сашкой не большие сладёны.

Вечером празднование переместилось в один из петербургских джаз-клубов. Сам Аркадий Миттель, знаменитый саксофонист, ныне житель заморских краёв, выступал там с концертом. Афиша гордо сообщала, что он приехал в Россию с единственным концертом.

– Единственный, – посмеивался Валерий, – это потому, что никуда больше не берут. Этот-то еле-еле организовал.

Миттель был его старым знакомым, и на концерте они присутствовали в качестве почётных гостей.

– Вот всё-таки хорошо мы сейчас выпиваем, – продолжал художник. – По-человечески. Пьём вроде бы с утра, но ещё не пьяные. А настроение замечательное! Ты согласен?

– Согласен.

– Раньше так не получалось почему-то.

В клубе собралась компания Валериных друзей. Друзья были самые близкие.

Перед началом концерта все тепло пообнимались, выпили. Поздравить Валерия подходили люди и с других столов. Потом на сцену вышел Миттель.

– Дорогие друзья! – поднятием руки остановил он аплодисменты. – Я очень рад, что сегодня представилась возможность выступить здесь, на этой сцене, в клубе, где собираются настоящие ценители джаза.

Аплодисменты зазвучали вновь.

– Наша сегодняшняя программа, – продолжал саксофонист, – ориентирована на классические стандарты, вещи, которые всем вам прекрасно известны. Поэтому я предлагаю вам просто расслабиться, выпить пива или чего покрепче, откинуться на спинки кресел и погрузиться в чарующие звуки музыки. Но прежде чем начнётся концерт, я хочу поприветствовать моего давнего друга, знаменитого художника Валерия Федотова!

Вновь раздались аплодисменты.

– Валера! – помахал ему саксофонист. – Выйди, пожалуйста, на сцену.

Смущённый, но растроганный Валерий Ильич поднялся к музыкантам.

– У Валеры сегодня открылась выставка, – после объятий с художником объяснил зрителям Миттель. – Я на неё, к сожалению, сходить не смог, готовился к концерту, но завтра обязательно буду. Вам тоже советую. Валера – великий художник!

Начался концерт.

Мелодии были до боли знакомые, а потому после пары композиций слушать их стали невнимательно. Зазвучали приглушённые разговоры, зазвенели стаканы.

– А курить здесь можно? – спросил один из Валериных друзей.

– Нет, – покачала головой румынка. – Администрация запрещает. Музыкантам играть тяжело.

Администрация в лице человека средних лет в костюме присутствовала здесь же, за столом.

– Здесь курилка есть, – пояснил он всем. – Возле туалетов. Вон в той стороне.

Люди, по одному, по двое уже направляли туда свои стопы.

– Валера потому и хорош, – говорил крупный пузатый мужчина, – что он прямолинеен. Валера добродушно улыбался.

– Это только идиоты считают его сложным и вычурным художником. Для меня он максимально прост и понятен. Рисует он, условно говоря, жопу – так именно так, какая она есть, жопа и получается. Фу, другие говорят, квадратная жопа, с кого это ты такую срисовал?

Все рассмеялись.

– Но не понимают они, – продолжал толстяк, – что такой жопа и должна быть у мастера авангарда.

– Что-то я не помню, – сказал Валера, – чтобы жопы рисовал.

– Было, было! – закивал толстяк. – У меня лично картина твоя хранится, которая так и называется: «Жопа».

– Да ну брось!

– Серьёзно тебе говорю.

– У тебя моя картина под названием «Жопа»?

– Да, у меня.

– Как она выглядит?

– Как я описывал. Квадратная, сексуальная такая жопенция, очень сильный эротический эффект производит. У меня всякий раз, когда я на неё смотрю, эрекция случается. Даже стыдно. Чёрт возьми, думаю, а вдруг это мужская жопа?

Новый взрыв смеха сопровождал эти слова. Старались, однако, смеяться потише – всё-таки шёл концерт.

– Не знай, не знай, – мотал головой Валера. – Что-то не помню я такую картину.

– Есть, уверяю тебя!

– Но это действительно картина? Красками написана?

– Нет, не красками. Карандашом.

– А-а, – мотнул головой Валера. – Так бы и говорил. Карандашный набросок!

– Ну, если хочешь, так это называй. А я разницу не провожу. Для меня всё картины.

– Подожди, подожди... Вспоминаю я эту мазню. Это тебе Кудашов что ли дал?

– Он мне не давал, я сам у него взял. Как-то был у него раз, незадолго до его смерти – он пьяный вдрызг, смотрю – с твоей подписью картина. Надо взять, думаю. А то ещё подотрётся ей. Ты ведь знаешь, он любил картинами подтираться.

– Он не подтирался ими, – вступила в разговор румынка. – Он срал на них.

– Ты помнишь Володю Кудашова? – повернулся Валера к Низовцеву.

– Нет. Кто такой?

– Да помнишь! Мы с тобой выступление его видели. Ну, парень такой, хеппенинги устраивал. Голый бегал, пердел.

– А, ну-ну! Помню.

– Вот, ему я набросок этот дал. Кстати, я его «Жопой» не называл. Я просто подпись свою поставил, а это он, видимо, сам потом название придумал.

– «Жопа», – подтвердил толстяк. – Так и написано.

– Интересный он всё-таки был человек...

– Ну, как сказать, – не согласился толстяк. – Больной просто.

– Это ты сейчас так говоришь, – подал голос администратор клуба. – А в те годы он ой-ой как гремел. Сейчас с цинизмом всё вспоминается. Со смущением каким-то. А тогда про него говорили, что это новое слово в искусстве. Человек, который сам искусство.

– Да кто уж говорил! – стоял на своём толстяк. – Такие же больные, как и он.

– Но в простоте ему равных не было. А по жопам вообще первейший специалист.

– Искренний по своему, не спорю, – согласился толстяк. – Но это всё ж таки искренность нездоровая.

Концерт оказался небольшим, длился всего час, а ночь только начиналась. По окончании концерта вся компания переместилась к Валерию домой. Аркадия Миттеля уговорили присоединиться.

До дома добрались на трёх такси. Дочь Валерия, шестнадцатилетняя девушка по имени Инга, встретила их не очень приветливо.

– О, господи! – отворила она дверь. – Один пьяней другого.

– Мы просто весёлые, – поправила её румынка. – Никто и не пил.

Александр Львович помнил, что Инга была от одного из предыдущих браков Валерия. Судьба её матери огласке не предавалась. Судя по тому, что Инга жила с отцом, судьбе этой завидовать не приходилось.

– Все, кто не знает – знакомьтесь! – объявил Валера. – Это Инга, моя дочурка. Единственная и любимая.

– Слышали и про других, – посмеивался кто-то за его спиной.

– Это чушь и подлый вымысел! – громогласно объявил Валерий Ильич. – Никаких других не было и нет.

– Саша, – представился Александр Львович девушке.

– Инга, – ответила она неохотно.

Он поцеловал её руку. За ним представились и другие. Только саксофонисту Миттелю не было нужды представляться.

– Это же крестница моя! – обнимая девушку, оглядывал он всех осолопевшими глазами. – Я своими руками крестил её.

– Ты же иудей, Миттель, – возразили ему.

– Я недавно иудеем стал. А шестнадцать лет назад был православным.

Инга особой радости от встречи с крёстным не выказала. Когда все расселись по диванам и креслам, она поспешила скрыться у себя в комнате, но румынка сходилась за ней и вернула.

– Посиди с нами, что ты, – говорила она. – Всё равно сейчас не заснёшь.

– Да, это уж точно, – вынужденно согласилась Инга.

– Ты девушка взрослая, тебе можно посидеть в компании. Вот, садись к дяде Саше на колени.

– Вот ещё! – возмутилась девушка.

Александр Львович поднялся с кресла.

– Садись, – предложил Инге. – Я на подлокотнике.

– Сейчас, Саш, ещё стул принесу, – ушла на кухню румынка.

Выпивки привезли немало – бутылками был заставлен весь журнальный столик.

– Что будешь, дочь? – спросил её Валера.

– Ничего не буду.

– Что-нибудь надо выпить. У нас есть что-нибудь лёгкое?

Румынка вернулась из кухни с каким-то авангардно-витиеватым стулом.

– Джин пусть пьёт, – посоветовала она. – С тоником.

В руке её красовалась бутылка тоника.

– Я тоже джин буду, – уселась она рядом с саксофонистом.

Стали разливать по рюмкам спиртное.

– Минуточку внимания! – поднял свою Валера. – Настоятельно предлагаю всем, хотя думаю, спорить со мной никто не будет, выпить за нашего американского друга.

– Точно, точно! – зашумели все.

– Сегодня в клубе он так трогательно меня поздравил, я аж чуть не расплакался.

– Да ладно, – отмахивался Миттель.

– Нет, нет, честное слово – очень хорошо сказал. Я не знаю, получится ли у меня так же хорошо, но я всё же попытаюсь.

На секунду он задумался.

– Да что пытаться! Я просто скажу. За моего друга Аркадия! За человека, которого я уважаю и люблю! Прости меня, Аркаш, если я тебе что-то не так сделал или говорил что не то...

– Всё ты то делал, Валер! – перебил его саксофонист. – То, что надо.

– ... но зла я тебе не желал никогда. Поэтому, друг, я поднимаю сейчас эту чашу за тебя, за твоё здоровье, за здоровье твоей семьи – ты в Америке даром время не терял, и жёнами обзаводился, и детей делал сверх плана.

Миттель хохотнул.

– Их у тебя теперь уйма, всем им здоровья желаю и счастья. Ну а самое главное, будь счастлив ты, Аркадий!

– Спасибо, Валер, – сказал Миттель и тоже растрогался. На глазах его заблестели слёзы. Они поцеловались. Все выпили.

– Может, проституток вызовем? – предложил толстяк.

– Этого только не хватало! – воскликнула Инга.

– А что?! Посмотришь хоть, что такое секс.

– Я знаю, что такое секс.

– По телевизору секс не тот, поверь мне. Кстати, там и парней можно вызвать. Пора уже с девственностью прощаться.

Инга лишь морщилась.

– А, мужики, как вы думаете? Осилит ли сегодня проститутка?

– Я не против, – ответил ему кто-то.

– Да нет, – возразил Валерий Ильич, – давайте уж без проститутки.

– Действительно, – поддержала его жена. – Разве плохо сидим?

– Всё-таки компания у нас смешанная, – продолжал художник, – к тому же здесь несовершеннолетние. Я вам другое предложить могу.

– Что?

– Стриптиз.

– В твоём исполнении?

– В исполнении профессиональной стриптизёрши. Я на днях в газете объявление видел. Стриптиз с выездом на дом. Не так дорого вроде.

Он полез к пачке газет, лежавшей в одной из ниш стенки и, покопавшись в них, извёл нужную.

Через минуту Валерий уже набирал номер. Решили вызвать двух.

Стриптизёрши приехали быстро. С ними значилась и мадам-надсмотрщица.

– Вы тоже к нам присоединитесь? – спросил её толстяк.

– Да, я буду здесь во время представления, – сухо ответила она.

– Это чтобы мы их не завалили ненароком?

– Да, мужчина. Очень многие оказываются несдержанными. Руки тянут.

– Трогать, значит, воспрещается.

– Категорически. Внизу охрана, в любой момент я могу их вызвать.

– Гестапо какое! – посмеивался толстяк.

– Поставьте диск, – попросила одна из стриптизёрш.

Валера поставил привезённый ими диск в CD-плеер. Из массивных колонок, расставленных по углам, зазвучала музыка. Девушки принялись танцевать и раздеваться.

– Как это пошло, – морщилась Инга.

– Ну почему же, – возразил ей Александр Львович. – Наоборот, это очень красиво.

- Вы старый извращенец, поэтому так и говорите.
- Тебе не нравится обнажённое тело?
- Если за него платят – нет.
- А как его по-другому увидеть? – попытался он пошутить.
- Естественным образом.
- Девушки снимали верхнюю одежду.
- Это как?
- Познакомиться с девушкой, понравиться ей, завязать отношения. А потом всё произойдёт само собой.
- Само собой ничего не происходит.
- Происходит, происходит.
- В твоём возрасте я тоже так рассуждал. Но теперь, видишь ли, не все девушки мной интересуются.
- Просто вы все старые разложенцы. Толстые, лысые, морщинистые. За собой не следите. Какая вами девушка заинтересуется?
- Далее следовали бюстгалтеры.
- Возраст, Инга, это страшная вещь. Следи за собой – не следи, а всё равно уже не тот.
- Ну вы-то, кстати, – окинула его взглядом Инга, – ещё вполне можете девушек привлекать.
- Да?! – воскликнул Низовцев. – А вот тебя могу привлечь?
- Нет, меня не можете.
- Почему?
- Я никогда не начну отношений с другом отца.
- Только поэтому?
- Вам этого мало?
- То есть, если бы я не был другом твоего отца, и мы бы познакомились на улице, ты бы вполне могла стать моей девушкой?
- Инга молчала. Стриптизёрши тем временем освобождались от трусиков.
- Всё это слишком теоретически, – молвила девушка. – Я не могу так просто ответить.
- Жаль.
- Хотя думаю, что вряд ли бы у нас что-нибудь вышло. Всё-таки разница в возрасте – существенный барьер.
- Девушки разделись догола. Вторая половина выступления оказалась пожарче. Стриптизёрши ползали по полу, широко раздвигали ноги, вертели попкой перед лицами зрителей и даже тёрлись ей об интимные мужские места. Присутствовали и элементы лесбийской любви.
- Глубокой ночью, когда праздник закончился, разъехаться по домам смогли не все. Толстяка, администратора и других удалось дотащить до такси, а вот саксофонист Миттель транспортировке не поддавался. Его, а также Александра Львовича, которому идти было некуда, хозяева оставили ночевать.

Глава четвёртая

Ольга, расправив футболку и трико, бережно положила их на спинку кровати.

– Рабочую одежду с собой возьми, – напомнила она Коле.

Тот задумчиво ходил из угла в угол. Лицо его было обеспокоенным и осунувшимся. Под глазами красовались тёмные круги.

– Лучше так одену, – глухо отозвался он.

– Знаешь, какая грязь на стройке! Домой пойдёшь – от тебя все шарахаться будут.

– Ну и пофигу!

– Самому же будет приятно в чистом возвращаться.

– Да какая разница!

– Как какая?! Вот увидишь, там все рабочую одежду с собой принесут.

– У тебя что рабочая, что обычная – одинаковые.

– Ну просто чистые пока.

– Тише вы, психи! – заворочалась на полу Марина. Голос её был сонный и капризный.

– Всё, всё, молчим, – успокоила её мать. – Спи.

– Начали тут с утра... – бурчала Марина, переворачиваясь на другой бок.

– Пойдём на кухню, – кивнула Ольга Коле. – А то она дурью орать будет.

Они переместились на кухню и закрыли за собой дверь.

– И буду! – крикнула им в спину Марина. – Гады!

Завтрак был готов. Ольга налила Коле тарелку супа, отрезала хлеб.

– Поесть тоже надо взять, – сказала она.

– Не надо, – отозвался Коля.

– А там будут кормить?

– Не знаю.

– Ну, значит, не будут. Возьми, не пожалеешь. Хлеба хоть, помидоры.

– Ладно.

Колины мысли витали сейчас в областях, далёких от питания. Он был очень взволнован, а ещё больше поражён этим волнением. Он и подумать не мог, что будет так сильно переживать в свой первый рабочий день. Впрочем, о работе он не задумывался никогда, она была для него чем-то из другого мира. Представить себя в качестве работающего человека воображение отказывалось. Столкновение с такой маловероятной реальностью и превращение её в явь вызвало бурю эмоций. За всю ночь он спал не больше часа. Сердце в груди kloкотало, руки тряслись. Его мutilо.

– И не стесняйся ты, – говорила Ольга. – Я гляжу, ты стесняешься, что я тебе одежду даю.

– Ничего я не стесняюсь.

– Вот и правильно. Вернёшь деньгами, когда заработаешь.

Утро было пасмурным. Первое пасмурное утро за две недели.

– День какой сегодня... – смотрела в окно Ольга.

Коля на погоду внимания не обращал.

– В такую погоду лучше работается, – продолжала она. – Не жарко.

Коля выпил чай залпом, а на бутерброд сил уже не хватило.

– Коль! – поднялась со своей постели Марина. – Подожди. Дай я тебя поцелую.

– Я тороплюсь, – одевал он ботинки.

– Ну подожди, блин! – подбежала к нему девочка.

Лицо её было опухшим и красным, в пролежнях от подушки.

– Ммм, – чмокнула она его в щёку.

Коля повернулся к двери.

– А ответный поцелуй! – запротестовала Марина.

Коля нехотя поцеловал её.

– Ну счастливо, Коль! – подошла Ольга, тоже с намерением целоваться. – Особо там не выпячивайся, но начальство слушайся. В обиду себя не давай.

Они ткнулись друг в друга губами.

– А-а-а, в губы! – завопила Марина.

Её проигнорировали. Коля открыл дверь и переступил порог.

До коттеджей он добрался быстро. Стройка была пустынна, лишь два мужика курили у ржавого вагончика бытовки. Один из них оказался бригадиром.

– Эй, новичок! – крикнул он Коле. – Вали сюда.

Коля боязливо подошёл к ним. Мужики казались мрачными.

– Здорово! – протянул ему руку мордан-бригадир.

Коля опешил. Последний раз руку ему протягивал сосед по комнате в детдоме, имя которого память не сохранила. Его переводили в другое учреждение, более строгое, на него нашла сентиментальность, и он решил по-человечески проститься с Колей. Состоялось то рукопожатие лет семь назад.

– Здравствуйте, – выставил руку Коля и почувствовал прикосновение большой и мозолистой ладони бригадира.

– Юра, – представился тот.

– Коля, – ответил он, и вдруг внезапная мысль, что ладонь его просто-таки мокрая от пота обожгла нутро. Захотелось убежать.

– Виктор, – протягивал ему руку второй рабочий, усатый и худой.

– Коля, – снова повторил он.

На потную ладонь никто не обратил внимания.

– В разнорабочие, значит? – спросил его Виктор.

– Да, – кивнул Коля, всё ещё не в силах совладать с нервами и потоотделением. К тому же в вопросе он почувствовал насмешательство. Видимо этот усач был здесь каким-то начальником, возможно бригадиром.

– Я тоже разнорабочий, – пояснил Виктор.

– Тоже? – переспросил Коля. Получилось это у него как выкрик.

– Угу. Работа ничё, жить можно.

– Да, нормальная, – согласился кивком Юра. – Особенно когда Изотов не приезжает.

– Не говори-ка, – усмехнулся Виктор.

– Изотов, – объяснил бригадир, – это тот мужик, который тебя на работу взял.

– Заколебал он тут всех уже, – добавил Виктор.

– Точно, – снова кивнул Юра. – Хотя его понять можно. У него сроки.

– Он только на нервы действует. Без него больше делаем.

– Вообще-то да.

– Он хозяин? – неожиданно для себя решился на вопрос Коля.

– Нет, – мотнул головой бригадир. – Он подрядчик. Директор строительной фирмы.

– А хозяев тут ещё и нет наверно, – то ли спрашивая, то ли утверждая, сказал Виктор.

– Есть, как нет. Всё давным-давно распределено и распродано. Ты думаешь, Изотов стал бы строить, если б ему не заплатили?

Виктор согласился:

– Да, правильно.

Потом, окинув Колю взглядом, спросил:

– Ты куришь, Колян?

– Да, – сказал Коля. – Когда деньги есть.

Мужики улынулись. Такой смелой шутки Коля от себя не ожидал и очень взбодрился, когда увидел, что её приняли.

– Сейчас, я гляжу, денег нет.

– Сейчас нет, – развёл Коля руками, снова настораживаясь и представляя как себя вести, если вдруг у него начнут выворачивать карманы.

«Только бы не били», – подумал он.

– Ну, угощайся, – протянул ему пачку сигарет Виктор.

Поражённый Коля дрожащими руками вытащил сигарету. Виктор стряхнул со своей, почти скуренной, пепел и протянул её Коле прикурить.

Постепенно подходили рабочие. Все здоровались с ним за руку и знакомились. Ни пен-далей, ни подзатыльников никто не отвечивал.

В начале девятого взялись за работу.

– Паша, Серый – на растворе, – дал указание бригадир. – Колян, ты на второй бадье. Кто с ним хочет?

– Я буду, – вызвался Виктор.

– Остальные – на кладку. Первый этаж сегодня – кровь из носу.

– А плотники?

– И плотники.

– Ну ё-моё!

Плотники, двое мужиков, были недовольны.

– Вас класть не заставляют. Кирпичи подтаскивайте.

– Кирпичи...

– Деревя так и так нет. В лучшем случае завтра будет.

Юра на месте не сидел. Бегал по всей территории стройки. Только его видели у одного из коттеджей, а он уже маячил у другого.

– Женил сына-то, нет? – доносился разговор.

– Женил.

– Ну и как?

– Нормально.

– Смотри-ка, – вмешался кто-то, – свадьба была – и не пригласил никого.

– Я сам там как приглашённый.

– Где гуляли?

– В ресторане.

– Откуда деньги на ресторан?

– Ой, не спрашивай. Я после этой свадьбы пять лет оправляться буду.

– Дорого?

– В копеечку. Знали бы, что так дорого будет – никогда бы детей не рожали.

– Так-то оно.

– А ещё и младший есть.

– Хорошая жена, у сына?

– Хрен её знает!

– Что же ты не разобрался?

– Разберёшься с ними. Они и разрешения не спрашивают.

– Где хоть работает?

– Учится.

– А жить где собираются?

– На квартире.

– Ну вот, видишь! Облегчение вам с женой.

– Да, хоть на этом спасибо. Кстати, не знаете – может, кто сдаёт недорогую квартиру?

Цемент, песок, вода. Раствор уходил быстро. Коля старался изо всех сил – чтобы доказать, что его взяли не просто так.

Ближе к полудню приехал Изотов. С полчаса топтался, смотрел. На Колю бросил лишь мимолётный взгляд.

– Доски сегодня будут, – объявил он бригадиру.

– Сегодня?

– Да, к вечеру.

– Вот и ладно. А то плотники возмущаются: без работы сидим, руки чешутся.

– Будет работа. Всем будет.

С каждой бадьёй месить становилось тяжелее.

– Не напрягайся, – посоветовал Виктор. – Отдохни пару минут.

– Да ладно.

Клади довольно быстро. Стена увеличивалась на глазах.

– Сегодня какое у нас?

– Число?

– Да.

– Двенадцатое.

– Бугор, аванс будет, нет?

– Будет.

– Когда?

– Пятнадцатого. Вроде бы.

В двенадцать часов прервались на обед. Ольгин туесок оказался как нельзя кстати. Коля съел всё, что она положила, и этого оказалось мало.

Сидели, курили. То ли от сигарет, то ли от усталости у Коли кружилась голова.

Через час снова взялись за работу.

– Женат? – спрашивал его Виктор.

– Да как сказать...

– Как есть.

– Живу с одной. Ну, вместе, понимаешь?

– Как не понять.

– Она хорошая женщина, – поспешил добавить Коля.

– Не сомневаюсь.

День разгулялся. После обеда засверкало солнце, стало жарко. Вся Колина футболка пропиталась потом. Наконец он догадался снять её. Около четырёх привезли доски. Его отправили на разгрузку.

– У нас рядом, в магазине.

– Что за магазин?

– Напротив остановки.

– И там есть?

– Да. Российские радиоприёмники.

– Комиссионные, наверное.

– Вот это не узнавал.

– В огород давно хочу. Именно наш чтобы. Китайские – дрянь.

В глазах Коли плясали тёмные пятна, в голове стоял странный гул.

– С мятой, с женишем. Все болезни уходят! После бани вообще в кайф.

– Да, знаю, пробовал. Мать постоянно пьёт.

– Ну и как?

– Вроде довольна. А на меня – никакого эффекта.

– Ну так ты здоровый.

– Да я бы не сказал.

Без пятнадцати пять Юра махнул отбой.

– Всё, хорен. Потихоньку собираться будем.

Рабочие потянулись к бытовке. Коля шёл пошатываясь, очертания предметов расплывались.

– Что, работничек! – ухмыльнулась Старая Сука. – Еле живой? Погоди, то ли ещё будет.

– Всё нормально, – буркнул он.

– Устал? – подошёл к нему Виктор.

– Устал немного.

– Ничего, разработаешься, – хлопнул он его по плечу.

Коля переоделся в чистое. Ольга была права – одеть чистое оказалось приятно. Сейчас он радовался, что послушался её.

Старая Сука посмеивалась.

– Какой же ты, Коля, идиот...

Он ей не отвечал.

– Я не ожидала от тебя, что ты пойдёшь в услужение к людям. Думала, ты не такой. Не позволишь себя одурачить.

Коля кинул на неё злобный взгляд.

– Разве ты не знаешь, что работа – это проклятие? Её придумали хитрые евреи, чтобы поработить человечество. Привили людям лживые стандарты жизни, стыд. Если ты не работаешь, ты неполноценный. Ты как бы и не человек вовсе. Что это за философия, неужели ты с ней согласен? Ты, который всегда исповедовал свободу духа? Спать где угодно, питаться чем придётся, ни от кого не зависеть – неужели ты плюнул на эти идеалы? Продал их? Продал их за каторжный труд и три гроша, которые тебе заплатят, продал за вонючую бабу, которая в виде одолжения время от времени будет раздвигать перед тобой ноги, продал за призрачную надежду называться уважаемым человеком? Коля, все уважаемые люди – ничтожества! Ничтожества, которые унижаются перед другими ничтожествами. Это всемирное пиршество унижений, неужели ты не видишь этого? Посмотри, все они ползают на четвереньках и вымаливают друг у друга милости. Они готовы на всё, даже жизнь свою готовы отдать. Ты хочешь отдать свою жизнь, ты сможешь сделать это? Пойдём со мной, пойдём к сопкам, пойдём в тайгу – ведь мы жили так, Николай! Неужели ты забыл, что мы были счастливы? Кабала, в которую ты добровольно себя заключил – она навсегда. Ты понимаешь – навсегда! Пойдём со мной, мы снова станем свободны! Свободным можно быть только вдали от людей. Свобода – это одиночество.

– Ну чё, Коль, – подмигнул Виктор. – С новичка полагается, а?

– Что? – вскинул он голову.

– Говорю, пиво с тебя.

– Почему?

– Ну как почему. Первый рабочий день, надо отметить.

Коля выглядел растерянно.

– У меня нет денег, – развёл он руками.

– В займы возьмём.

– У кого?

Виктор осмотрел бригаду.

– Да вот у бугра! Юра, полтинник займи!

Юра, уже готовый уйти, был не рад просьбе.

– Ты достал меня!

– Я всегда отдаю.

– Нет у меня!

– Есть, я знаю. Я не за себя прошу, за Колю. Он пивом нас угостить хочет, а деньги забыл. Дай ему до аванса. Через три дня вернёт.

– Ему аванса может и не быть. Да и откуда я знаю – вдруг он завтра не придёт.

– Да брось ты! Думаешь, человек работу искал для того, чтобы на следующий день её бросить? У него ведь жена, ребёнок. Причём чужой. Вернёт он тебе деньги, не жисья!

Юра молча достал из кармана пятидесятирублёвую бумажку.

– О, спасибо! – потянулся к ней Виктор.

– Ему даю!

Коля взял деньги. Купюра была почти новой и хрустящей. Такую огромную сумму он держал в руках лишь однажды, когда вытащил кошелёк у какой-то пенсионерки. В ней было четыре мятых червонца и мелочь. В сумме почти пятьдесят. Но эта красивая бумажка выглядела куда как солиднее.

– Ну чё, куда пойдём? – спросил Виктор. Все выходили из бытовки наружу.

– Я не буду, – отклонил предложение бригадир.

– Почему?

– Нет желания.

– Ну как хочешь, – изобразил Виктор гримасу за спиной Юры. Гримаса означала: ну и ладно, нам больше достанется.

Рабочие расходились по домам. Виктор повёл Колю к ближайшему магазину, но вдвоём им уйти не удалось. На хвост упал Серый – парняга лет двадцати восьми, каменщик.

– По пиву? – догнал он их, широко улыбаясь.

– В складчину, – попытался отделаться от него Виктор. – Копейка есть?

– Я слышал, Колян угощает.

– Ничего не скроешь! – мотнул головой Виктор.

Пришлось брать каменщика в компанию.

– Сколько у тебя? – спросил Серый Колю, когда они усаживались за столики в открытом кафе.

– Пятьдесят.

– На два баллона хватит... Давай возьму.

Коля отдал ему деньги. Через минуту Серый вернулся с пивом и тремя пластиковыми стаканами.

– Пять рублей своих добавил! – сообщил он.

Старая Сука снова возникла в поле зрения. Неожиданно для Коли ни в чём его не порицала.

– Расслабиться можно, – погладила она его по голове. – Ты устал, перенервничал. Отдохни.

Села поблизости.

– Ну давай, Колян, – сказал Серый, разлив пиво по стаканам. – За первый рабочий день.

– За новую работу! – поддержал его Виктор.

Коля взял пластиковый стакан в руки.

– Спасибо.

Они чокнулись. Коля сделал глоток и вздохнул всей грудью. Пиво было прохладным и показалось необычайно вкусным.

Старуха была права – и сил, и нервов за день ушло немало. Нервов – от волнения. Так, как сегодня, Коля не волновался никогда и был сейчас просто счастлив, что работа оказалась в общем-то не страшной вещью. Физическая усталость – это ерунда, главным было то, что его никто не унижал. Он сидел сейчас за столиком кафе, оглядывался по сторонам и видел,

что люди воспринимают его совершенно нормально. Не показывают пальцами, не смеются, не бросают камни. От этой мысли делалось приятно, и все слова старухи забывались. Вечер был тёплым и безветренным, новые друзья приветливы и внимательны, пиво расслабляло мышцы и мысли – чёрт возьми, примерно так он и представлял себе счастье, ночуя по бесчисленным помойкам! Взор Старой Суки был укоризнен и печален, но он лишь оскалился ей презрительной улыбкой.

– Я только до конца лета, – слышал он слова Серого. – В сентябре-октябре куда-нибудь потвёрже надо устраиваться.

– А тут до октября только и будет строительство.

– Думаешь?

– Что тут думать. Строим быстро, а на зиму никто затягивать не хочет.

– Ну да. Хотя ещё два коттеджа с нуля.

– Да фигли два! Вот этот сколько строим? Недели нет, а стены, считай, готовы.

– Первый зато долго строили.

– Долго, потому что материалы не завозили.

– Так могут снова перебои быть.

– Нет, не будут.

– Почему?

– Изотов сейчас с деньгами. Все, кто должен был, с ним расплатились.

– Вёрткий мужик!

– Вёрткий, – согласился Виктор. – Только это не по причине талантов.

– Не скажи. Такой участок за собой застолбил, никого не пускает!

– Просто за ним большие люди стоят. Большие и крутые.

– А я думаю – он сам такой пронырливый.

– Нет, он шестёрка. Основные деньги другому идут.

– Кому?

– Откуда я знаю!

Коля в разговор не вмешивался. Пиво ударило в голову, настроение повысилось. Губы сами собой расползались в улыбке.

– Давно женился? – спросил его Серый.

– Недавно, – ответил Коля. – Но я...

– Он гражданским браком, – объяснил за него Виктор.

– А-а... Вообще-то не глупо. Я бы тоже сейчас не расписывался.

– А я холостой, – сказал Виктор. – Мне и выбирать не надо.

– Сейчас фактически развалилась у меня семья, – серьёзно и грустно сказал вдруг Серый. – Может потому, что раньше времени узаконили отношения.

– Раньше, позже, – махнул рукой Виктор, – всё равно одним и тем же закончится.

Первая бутылка подошла к концу. Взялись за вторую.

– А ты был женат?

– Женат нет, – ответил Виктор, – так же, как Колян – сожительствовал.

– Ну и как?

– Разбежались, как ещё.

– Ну а в чём причина?

– Ты думаешь, я знаю? Не подходили друг другу, вот и всё.

– Просто не установили контакт, – заплетающимся языком выдал Коля.

– Может быть, – пожал плечами Виктор. – Да только можно ли его вообще установить? В принципе?

Вопрос адресовался Коле. Все смотрели на него, и Старая Сука тоже. Взгляд её был насмешлив, но и несколько насторожен.

– У меня ещё не было женщины, – сказал Коля, тщательно подбирая слова, – которую я бы мог полюбить и которая смогла бы полюбить меня. Но я уверен, что настоящее понимание между людьми возможно.

Виктор с Серым выслушали его серьёзно. Не возразили. Виктор разлил по стаканам остатки пива.

– Эй, щенки! – повернулся вдруг Серый к соседнему столу, где четверо пацанов лет пятнадцати, громко матерясь, тянули на всех две бутылки пива. – Вы где находитесь, в конце концов? От ваших воплей уши вянут!

Дальше всё стало происходить очень быстро. Пацаны ответили что-то, Серый вскочил на ноги. Все вдруг задвигались, зашевелились, раздались крики и звуки ударов, а пространство между столами превратилось в сплетение тел. Коля обнаружил, что он сидит за столом один. Серый и Виктор, окружённые парнями, размахивали кулаками. Он кинулся им на помощь.

Это была первая драка, в которой он врезал почти столько же, сколько получил. Ему даже удалось сбить одного из противников с ног и дать ему пару пинков. Люди, сидевшие за столами, разбежались в стороны. Столы и стулья опрокидывались на землю.

Где-то поблизости резко остановилась машина и несколько одинаково одетых людей бросились к дерущимся.

– Менты! – вывалился из кучи тел Виктор. – Ноги!

Коля думал в этот момент лишь об одном – не забыть бы пакет с одеждой. Тот валялся на земле, у металлической ограды. Он подхватил его и побежал.

– Жми, жми! – орала на ухо Старая Сука. – Они близко!

Деревья, дома, люди – всё мелькало перед глазами диким калейдоскопом. Старуха хохотала, и её развевающиеся волосы били его по щекам. Старая Сука казалась помолодевшей: глаза её сузились, лицо вытянулось и распрямилось, на нём почти не осталось морщин. Она вся дышала азартом.

Пятая глава

Екатерина Макаровна разливала по чашкам чай. К чаю шли ватрушки. Александр Львович с супругой сидели по левую от неё сторону, напротив Володи. Тот всё время морщился и пытался что-то поправить под собой.

– Неудобно? – спросила его Елена.

– Нормально, – отозвался он, не переставая морщиться.

– Что такое, Володь? – тут же повернулась мать.

– Да режет что-то... – объяснил он.

Екатерина Макаровна поставила чайник на стол и нагнулась над сыном.

– Мам, помочь? – приподнялась Елена.

– Сиди, сиди, я сама, – не поворачивая головы, отозвалась она.

Лена отвернулась. Долго и многозначительно посмотрела на мужа. Тот пожал плечами.

Яблочный сад утопал в цвету. Стол поставили прямо посередине, в центре его водрузили самовар. Душистый аромат разливался в воздухе.

– Ну как дела у вас? – спросила Елена. – А то вы всё молчите, молчите...

– Да как дела, Леноч! – улыбаясь, покачала головой Екатерина Макаровна. – Разве у нас что-то меняется? Живём как прежде. Я вот по хозяйству, Володька телевизор сутками смотрит, да музыку слушает. Книги читать забросил что-то...

– Не поешь? – спросил его Низовцев.

– Да не, какое... – поморщился тот снова, на этот раз особенно болезненно.

– Почему?

– Потому что я разочаровался в литературе, – ответил он резко. – Вся литература – это большой и неприкрытый идиотизм.

Екатерина Макаровна, разлив чай, тоже присела.

– Правильно было сказано, – продолжал Владимир, – «ярмарка тщеславия». Причём тщеславия самого отборного, самого гнусного. Бездарные придурки, нет у них сил прожить свою жизнь не выпячиваясь, лезут к Парнасу и дерьмо своё с собой несут. Я этим дерьмом отравился на всю жизнь. Спасибо, больше не надо.

Елена с матерью смотрели на него серьёзно и даже скорбно, Александр Львович – наоборот, добродушно.

– Ну ты же тоже, – сказал он, – в своё время всеми силами стремился к Парнасу.

– Да, – кивнул Владимир, – можно представить, каким я идиотом был. Это вы меня, – кивнул он матери, – с отцом вместе склоняли к ерунде этой. Пиши, талантливые стихи!

– Я и сейчас это повторю, – отозвалась Екатерина Макаровна.

– Да ладно, мам! – махнул рукой Владимир. – Я отлично знаю, что все мои стихи – говно! И все Сашкины книги – тоже говно! И все остальные книги – говно! Потому что это ненормально. Не-нор-маль-но! Ненормально свои чувства превращать в предмет для всеобщего обозрения.

– Ну, Вов, так категорично нельзя говорить, – возразила Елена.

– Можно! Мне теперь всё можно.

– Стихи твои действительно хорошие были, – продолжала Лена, – это тебе любой скажет. Рецензии на книгу – вообще замечательные. Мне очень жаль, что из-за этого несчастного случая ты так обозлился и всё забросил.

– Ты мне тут соболезнавания не высказывай! – зло ответил Владимир. – Посиди на моём месте и поймёшь, что это такое.

Он сделал глоток чая.

– А рецензия была одна-единственная, – продолжил, – да и та написана твоим любовником. Саш, ты знаешь, что Комаров этот был её любовником?

– Знаю, знаю, – покивал Александр Львович.

– Можно представить, чего ей стоила эта рецензия.

– Ничего она мне не стоила! – разозлилась Елена. – По крайней мере, не то, о чём ты думаешь. Я просто попросила его обратить внимание на твою книгу. И всё.

– У меня целая кипа моих книг в сарае валяется, – говорил Владимир. – Мама вон печку ими топит.

– Не топлю я ими печку, не ври, – поспешила ответить Екатерина Макаровна.

– Можете брать их, – обратился Владимир к сестре и шурина. – Если жопу нечем подтирать.

Елена досадливо сощурилась на эти слова, а Низовцев рассмеялся.

Единственным неудобством трапезы на природе было обилие насекомых, в том числе и пчёл, которые слетались на яблони.

– Деньги ваши получаем, – заговорила Екатерина Макаровна после паузы. – Спасибо. Хватает на всё, даже лишку остаётся.

– Спасибо вам, благодетели! – произнёс Владимир.

На его слова никто уже не реагировал. Екатерина Макаровна наполнила чашки по новой – самовар был ещё полон.

– Я тебе Роберта Крея привёз, – сообщил Низовцев Владимиру. – Целых три диска.

– Спасибо, – отозвался тот. – А Лютера Элисона?

– Элисона не нашёл. Да и времени уже не было на поиски. Ты бы раньше позвонил.

– Как узнал, что вы приедете – и позвонил.

– Найду – вышлю.

Дом, в котором жила Екатерина Макаровна с сыном, был одним из самых добротных в деревне. Кирпичный, массивный, многокомнатный – здесь немногие имели такие. Построен он был ещё при коммунистах отцом Елены, профессором и заслуженным деятелем наук. Отец дом этот очень любил и последние годы доживал именно здесь, хотя до Москвы было и не близко.

Женщины остались в зале, а Александр Львович с Владимиром укрылись в дальней комнате. Низовцев вручил ему диски, один из них Володя тут же зарядил в проигрыватель. Кроме дисков Александр Львович достал бутылку вина и сигары. Владимир поморщился в своей обычной манере, но ни от того, ни от другого не отказался.

– Никогда бы не подумал, – начал он, – что ты в социальную тематику ударишься.

Низовцев выпускал клубы сигарного дыма.

– Ты считаешь, что этот роман на социальную тематику? – спросил он.

– Ну а как же, – добавил дыма Владимир. – Аутсайдер-маргинал, люмпеновская среда – налицо произведение на общественно-значимую тему.

– Это не так, – возразил Александр Львович, – но мне льстит твоя трактовка.

– Ну, конечно, ты преподносишь всё это с художественным сдвигом, через призму искусственного непонимания, которое пытаешься создать у читателя – но как ни выдавай это за стилизацию, невооружённым взглядом видно, что слова, которые ты вкладываешь в уста этой кошмарной старухи-призрака, тебе не безразличны. Возможно, что со многим ты согласен.

– Ты уж наверняка согласен со всем.

– Ошибаешься. Я разуверился в силе печатных слов. Идеи и смыслы, которые стоят за ними – дорога к гибели, к разложению. Не имеет значения, позитивны они или негативны – все они пытаются увести тебя от твоего естественного состояния, выколупнуть из своей обо-

лочки. И если им поддашься – всё, покоя не будет. Я поддался раз и испортил всё, что только можно испортить.

– Ты слишком самоедствуешь.

– Нет, я знаю, о чём говорю. Я на собственной шкуре испытал пагубное воздействие книжных идей.

– Твоя инвалидность – несчастный случай.

– Она – следствие бравады. Игры с жизнью, погони за призрачными ощущениями – всем тем, чему меня научили бестолковые и безответственные писатели. Я вполне понимал, чем это может для меня закончиться, когда садился на тот долбаный мотоцикл. Прыгать через недостроенный мост – какая глупость!

– Рабочая среда, – сменил тему разговора Низовцев, понимая, что он может плохо кончиться, – очень сильная и эффективная прослойка для произведения. Сейчас мало кто помогает действие в рабочую среду. Меня же она чрезвычайно вдохновляет.

– Раньше не вдохновляла.

– Рабочая среда – это мрачное, напряжённое повествование. Скорбь, незримые трагедии витают над героями. Сами они вроде бы спокойны и целны, но в любое мгновение готовы распасться на сонмы эмоций, на тысячи слоёв. Здесь и ярость, и нежность, и злоба, и жертвование собой. Разве это не чудно?! Из рабочих можно сделать кого угодно – и героев, и сволочей.

– Сволочь и герой – это одно и то же.

– Я всегда бежал от мелочности, от скуки. Меня вдохновляют сильные эмоции, захватывающие мотивы, одинокие стремления. Лишь сталкивая лбами противоположности можно создать значимую литературу.

– Ты создаёшь её! – кивал головой Владимир. – Она воистину значима!

– Да, иной раз слова, которые говорят мои герои, и поступки, которые они совершают, могут показаться претенциозными. Но это первое впечатление! Оно тут же исчезнет, отнесись ты к ним более серьёзно и с большим участием. Другое дело, что сейчас трудно ожидать от читателей такого участия.

– Они на верном пути.

– Социальная направленность – это неплохо. Правильно выписанная, она только украсит произведение. Нет, конечно, нет: мой Коля не актуально-публицистический герой и вряд ли тебе действительно показалось так. Просто ты пытаешься смотреть на вещи с нетрадиционной стороны...

– Ты грубо льстишь мне. Я уже ни на что не пытаюсь смотреть – ни с традиционных сторон, ни с нетрадиционных.

– Главное, не скатиться в откровенную глупость. Не сделать его членом профсоюза, к примеру...

Елена разговаривала с матерью в зале.

– Не останетесь? – удивлялась Екатерина Макаровна. – А я думала – ночь переночуете.

– Я не против, но Саша настаивал на том, чтобы вечером уехать.

– Да куда вы на ночь глядя?! Это и опасно к тому же.

– Вот, такой он. Не хочет, и всё.

– Я поговорю с ним.

– Он никого не слушает.

– Послушает. Что тут такого – ночь провести. Я думала, вы вообще на неделю приедете.

– Да какая уж неделя!

– А что?

– Я не против, мам, не против. Но как вот с Вовкой жить здесь неделю?

– Ну а что Вовка?

– Я вообще не понимаю, как ты с ним уживаешься. Может он с тобой и не так себя ведёт, но меня он просто унижает. Специально, осознанно – уколоть, уколоть, уколоть.

– Но ты тоже войди в его положение.

– Тоже позвоночник сломать?

– Я не про то.

– Ну а что мне ещё сделать? Ты думаешь, мне его не жалко? У меня сердце кровью обливается, когда я его вижу!

– А у меня?!

– Тебе ещё тяжелей, не спорю.

– И лечить такие переломы не умеют...

– А помнишь врача того, который говорил, что может быть когда-нибудь у Володи всё восстановится?

– Помню, но ты же видишь... Ничего не восстанавливается.

– Просто не надо сидеть сложа руки. Надо врачам его показывать, какие-то новые методы пробовать, лекарства.

– Поначалу делали что-то, ездили, а сейчас заглохло всё. Ты видишь какой он? Вы приехали – он вон уже как нервничает. А посторонний кто – он и на порог его не пустит. Ехать куда-то – об этом вообще речь не идёт.

– Просто нужен человек, который сможет на него повлиять. Женщина нужна! Ему тридцать пять, а у него девушки никогда не было.

– Ну, Лен, какая девушка захочет с инвалидом связываться?! Только такая же если.

– Ну а что, если такая же?

– Что ты, он на это никогда не пойдёт.

– Сколько времени? – вышел к ним Александр Львович.

– Четыре.

– Собираться будем?

– Мама нас уговаривает остаться.

– Конечно, – подключилась Екатерина Макаровна. – Семь часов до Москвы ехать, когда это вы приедете! Да мало ли что на дороге случиться может. Завтра с утра выспавшиеся, отдохнувшие, без спешки, без суеты и поедете.

Низовцев зачерпнул в ведре ковш воды.

– Думаешь? – спросил он не то тещу, не то жену.

– А что думать! – настаивала Екатерина Макаровна. – Оставайтесь, и всё.

– Действительно, – смотрела на него Лена, – может, переночуем?

Александр Львович сделал долгий и смачный глоток. Поставил ковш на стол.

– Давай останемся.

Мимо окон гнали стадо. Два пастуха-подростка, щёлкая кнутами, вели по деревне дюжину коров.

– У вас тут и коров держат... – заметил Низовцев.

– А как же, – отозвалась теща.

– А ты что не держишь?

– Очень хочу, Саш, очень. Возможно, осенью куплю. Давно корову хотела. Своё молоко – больно хорошо. Только вот не знаю, справлюсь ли с ней.

– Да что сложного?

– Ну как же... Доить хотя бы. Я не умею.

– Доить за день научишься.

– Ну, если ты говоришь...

Ехать на ночь глядя в Москву Александру Львовичу не хотелось. Он был рад, что его уговорили остаться.

– Екатерина Макаровна, – спросил он тещу, – а где тут искупаться можно?

– Раздевайся, недоделанный! – говорила Елена, снимая платье.

Низовцев раздеваться не торопился. Смотрел на жену.

Озеро оказалось практически непригодным для купания. Лишь обойдя его вокруг, они нашли небольшой пятачок, с которого кое-как можно было заходить в воду. По всей поверхности озера торчали голые и гнилые стволы деревьев. Должно быть, несколько лет назад на этом месте стоял обычный лес. По какой-то природной коллизии, а может и под воздействием человека, низину эту залило, и она превратилась в водоём.

– Что засмотрелся? – повернулась жена, уже без платья, в одном купальнике.

– Ты сегодня на удивление возбуждающая, – отозвался Александр Львович. – Разденься догола.

Елена сняла лифчик и трусы. Смущённо заулыбалась. Годы делали с её телом свою работу, но для женщины за сорок она смотрелась неплохо.

– Ну как, – задорно мотнула она головой. – Нравлюсь?

– Нравишься. Сделай мне минет.

– Ну ты подойди тогда.

– Вставать не хочется.

Лена зашагала к нему. Александр Львович лежал на крохотной полянке между дубами. Она присела на корточки, расстегнула ремень его брюк и взяла член в рот. Низовцев запустил ладонь в её волосы.

– Вовка совсем сдал, – сказал он.

– Да, – оторвалась Елена. – Как бы это плохо не кончилось. Он на всё способен.

– В Москву его, может, перевести?

– Что, в Москве инвалидам лучше живётся? Его не в Москву, его лечить надо.

– Лечить... – задумчиво произнёс Александр Львович. – Лечить можно, если лечится.

А у него уже вряд ли.

Елена ничего не ответила. Низовцев не мешал ей больше. Несколько минут спустя он кончил. Жена проглотила.

– Фу, грязная какая! – морщилась Лена, заходя в воду. – Зря залезли. Подхватим ещё что-нибудь.

– Раз пришли, надо искупаться, – спускался следом Александр Львович.

– На речке бы.

– Там не чище.

– Всё же вода проточная.

– В бане отмоемся.

Низовцев сплавал на другой берег. Вылезти на него не было возможности – он представлял собой полосу грязи.

– Лен, пригнись!

– Зачем?

– Я нырну с тебя.

– Ну конечно!

– Пригнись, будь другом!

– Здесь нельзя нырять. В корягу врежешься.

Выбравшись на берег, они легли на полотенца. На телах остались разводы от грязной воды.

– Откуда у тебя волосы на спине взялись? – гладила его жена. И с каждым годом всё гуще и всё длиннее.

– Понятия не имею.

– Я ведь помню – у тебя их не было.

– Мутация.

– Очень вероятно.

В этот час в лесу было на удивление тихо – такую тишину редко когда услышишь. Солнце клонилось к закату. Повеяло вечерней хмарью и грустью.

Баню Александр Львович истопил сам.

– Молодцы, что вспомнили! – хвалила их Екатерина Макаровна. – Я тоже после вас помоюсь. Да и Володю бы помыть надо. А, Володь?

Владимир лишь пожал плечами.

– Мне всё равно.

– Надо, надо. Я баню сейчас редко топлю, тяжело стало, да руки всё не доходят.

Владимира взяли мыться с собой. Как ни странно, баня подействовала на него положительно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.